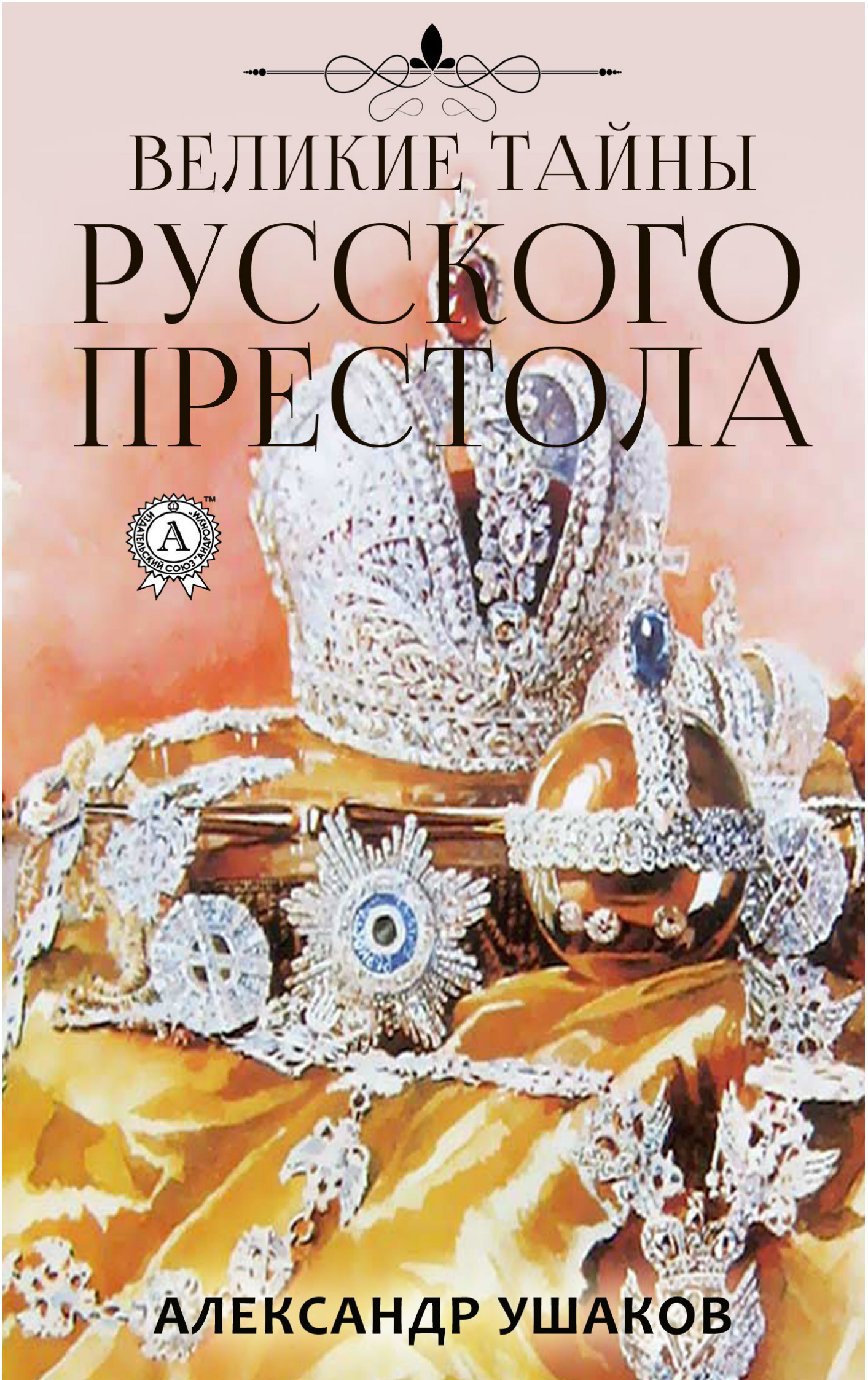
ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ РУССКОГО ПРЕСТОЛА



АЛЕКСАНДР УШАКОВ

Александр Ушаков

Великие тайны русского престола

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ушаков А.

Великие тайны русского престола / А. Ушаков —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715033-3

Иван III, Иван Грозный, Борис Годунов, Петр Великий, Екатерина Великая, Николай I, Александр II… Сколько событий в жизни нашей страны связаны с этими именами, которые и по сей день продолжают волновать историков, писателей и всех тех, кто интересуется Россией.

ISBN 978-0-88-715033-3

© Ушаков А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

От автора 5
Часть I 6
Иван III (1440–1505) 6
Как убить Шемяку 6
Как покорить непокорных 11
Царевна-отравительница… 13
Палач собственной семьи 18
Загадки Угры 22
Василий III (1479–1533) 27
Семейные тайны 27
Как брали Псков 31
Конец последнего удельного князя 34
Тайна рождения Ивана 37
Загадка завещания 42
Иван IV Грозный (1530–1584) 47
Тайные знаки 47
Кто убил Елену Глинскую 52
Как воспитывали царя 62
Тайна преображения 65
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Александр Ушаков
Великие тайны русского престола

От автора

Иван III, Иван Грозный, Борис Годунов, Петр Великий, Екатерина Великая, Николай I, Александр II…

Сколько событий в жизни нашей страны связаны с этими именами, которые и по сей день продолжают волновать историков, писателей и всех тех, кто интересуется Россией.

Да, мы многое знаем о наших правителях, и с каждым днем продолжаем узнавать что-то новое, заставляющее нас взглянуть на них совершенно под другим углом зрения.

Конечно, как и у всяких людей, у них были свои тайны. Большие и малые. И они нас интересуют не только из-за простого любопытства (кто был отцом Ивана Грозного), а из-за того, что с многими из них связана наша история.

Так, очень многие считают Пестеля прогрессивным человеком, которых убил царь-сатрап.

И только немногим известно, что этот гуманист готовил самое настоящее гестапо для России.

Все знают о свирепости Грозного и считают ее следствием его больного воображения. Но мало кто познал истинные причины этой свирепости, которые крылись в глубокой вере царя, пытавшегося построить благочестие на крови.

Об этом и многом другом мы и расскажем Вам в этой книге. Конечно, в одном издании невозможно охватить по сути дела необъятное, но мы выбрали самое интересное.

Часть I
Тайны и загадки Рюриковичей

Иван III (1440–1505)

Официально Иван III не носил царского звания. Но мы начинаем наш рассказ с него, поскольку именно великий князь владимирский и московский был создателем русского государства. Эпоха великого князя Ивана Васильевича составляет перелом в русской истории.

Эта эпоха завершает собой все, что выработали условия предшествовавших столетий, и открывает путь тому, что должно было выработаться в последующие столетия. С этой эпохи начинается бытие самостоятельного монархического русского государства.

Как убить Шемяку

Особенно уныло в темной и сырой камере становилось в непогоду, когда пробивавшийся сквозь небольшое окно тусклый свет едва освещал убогое подобие кровати и грубо сколоченный стол.

Однако узник не роптал. Да и что там какая-то неудобная кровать по сравнению с тем, что его ожидало. А ожидала его смерть. Уж кто-кто, а Шемяка вряд ли пощадит его. Да и почему он должен щадить своего злейшего врага?

Остается только добавить, что этим злейшим врагом Дмитрия Шемяки был внук Дмитрия Донского великий князь московский Василий II.

Их вражда имела длинную историю и тесно переплелась с историей Руси. Началась эта эпопея в 1425 году, когда умер его отец великий князь московский и владимирский Василий I. Он оставил свой удел, «примыслы» и великое княжество единственному сыну Василию, которому еще не исполнилось и десяти лет.

Положение малолетнего великого князя на престоле было непрочным. Живы были его удельные дядья Юрий, Андрей, Петр и Константин, и старший из них, Юрий Дмитриевич, сам претендовал на великое княжение. Он считал, что порядок наследования не мог быть установлен Василием I, ибо определялся духовной их отца – Дмитрия Донского.

Юрий Дмитриевич полагал, что, согласно этому завещанию, после смерти Василия великокняжеский престол должен был наследовать именно он, князь Юрий, как старший рода Ивана Калиты. Положение осложнялось еще и тем, что в завещании Дмитрия Донского не было полной ясности.

Как бы там ни было, с 27 февраля 1425 года в руках у малолетнего Василия II оказались Московское и Владимирское княжества, что давало ему большую власть над всеми другими уделами, а частично и над независимыми княжествами.

Конечно, Юрия Дмитриевича такое положение дел не устраивало. Поэтому он и не явился в Москву для присяги новому князю Василию II.

Показав свое непослушание московским властям, Юрий предъявил свои права на великое княжение в соответствии с завещанием Дмитрия Донского и вступил в открытую борьбу за московский престол.

Подобное решение было продиктовано не только личными амбициями Юрия Дмитриевича, но и желаниями удовлетворить претензии двух его старших сыновей – Василия Косого и Дмитрия Шемяки, каждый из которых желал для себя новых приобретений.

Стратегическим центром, в котором были сосредоточены его силы, князь избрал отдалённый Галич. Для подготовки к предстоящей борьбе князь заключил перемирие с Василием II до Петрова дня.

Все это время обе стороны усиленно готовились к войне. Василий II, не дождавшись окончания перемирия, выступил со своими дядьями Андреем, Петром и Константином Дмитриевичами к Костроме.

Узнав о приближении противника, Юрий бежал в Нижний Новгород, куда против него был послан его брат Андрей Дмитриевич с 25-тысячной армией.

Однако тот не дошел до расположения сил Юрия и повернул обратно. В это же время митрополит Фотий приехал в Галич и настаивал на заключении мира.

Юрий был согласен на перемирие для сбора сил и переговоров в Орде. После провала первой попытки переговоров Юрий сумел заключить мирное соглашение с Фотием и отправил двух своих бояр к великому князю. Согласно соглашению, заключенному боярами в Москве, Юрий обязался «не искати великого княжения».

Новое обострение борьбы было связано со смертью дмитровского князя Петра Дмитриевича. Юрий Дмитриевич, как и его противник, претендовал на Дмитров, однако удел умершего князя был присоединён к Москве.

Тем не менее, стороны вскоре пришли к соглашению, и Юрий в марте 1428 года признал племянника «старшим братом».

Зимой 1430 года Юрий Дмитриевич разорвал мирные отношения с Василием II. Против Юрия был выслан князь Константин Дмитриевич с крупными силами, однако Юрий вновь бежал в Нижний Новгород, где расположил свои силы.

Заняв позиции на реке Суре, Юрий ждал приближения противника, однако Константин не сумел переправиться на противоположный берег и вернулся в Москву. Юрий вернулся в в Галич.

Со смертью Витовта, союзника Василия II и митрополита Фотия, Юрию открылись новые перспективы в войне. Тем не менее осенью 1431 года он вместе с Василием ездил с в Орду с надеждой получить ярлык от ордынского хана.

Хан принял Юрия холодно, и Юрий вместе с ордынским вельможей Тегенёй отправился в Крым, где провёл с ним всю зиму.

Весной Юрий вернулся из Крыма, и его споры с Василием при активном участии хана Улу-Мухаммеда возобновились. В конце концов, усилиями боярина Всеволожского ярлык достался Василию. Сам Юрий получил ярлык на княжение в Дмитрове и был вынужден признать право великих князей в сношениях с Ордой.

Однако Василий не отдал Юрию Дмитрова, который приговорил отдать ему хан. В княжестве сели наместники Василия II. Понятно, что Юрий не пожелал уступать Дмитров без борьбы и искал повод для начала войны.

В то же время к нему бежал боярин Всеволжский, недовольный тем, что великий князь осенью 1432 года обручился с сестрой серпуховского князя Василия Ярославича Марией, хотя и обещал жениться на одной из его дочерей.

8 февраля 1433 года на свадьбе Василия II его мать Софья Витовна у всех на глазах сорвала с сына Юрия, Василия Косого, драгоценный пояс, по её утверждению, якобы ранее предназначавшийся Дмитрию Донскому и подменённый.

Разгневанные Юрьевичи бежали к отцу в Галич. Это оскорбление стало поводом для нового выступления Юрия, который с отрядами галичан выступил к Москве.

В решающем сражении на реке Клязьме 25 апреля 1433 года Юрий Дмитриевич разгромил Василия и занял Москву. Великий князь бежал в Тверь, а затем в Кострому.

В соответствии с договором, заключённым Юрием Дмитриевичем с Василием Васильевичем, новый великий князь захватил казну и «поклажу» не только Василия II, но и его матери и бояр великого князя.

Помирившись с племянником, Юрий Дмитриевич отдал ему в удел Коломну. Вскоре московские бояре и служилые люди стали перебегать в Коломну. К ним присоединились и оба сына Юрия, Дмитрий Шемяка и Василий Косой, которые поссорились с отцом.

Юрий, понимая, что «непрочно ему седение на великом княжении», предпочел примириться с племянником и вернул ему великокняжеский престол.

Затем дядя с племянником заключили новый договор, согласно которому Юрий признавал старейшинство Василия II и отказывался помогать своим старшим сыновьям. Юрий отказывался от притязаний на Дмитров, а взамен получал Бежецкий Верх.

Василий на этом не успокоился и принялся преследовать бывших противников. Московские войска под предводительством воеводы Юрия Патрикеевича были посланы на Кострому, где тогда находились Юрьевичи.

Сыновья Юрия 28 сентября 1433 года в битве на реке Куси разбили московские войска и пленили Юрия Патрикеевича. После чего пригласили отца на московский престол.

Однако верный своим обязательствам Юрий отказался от этого предложения, и Юрьевичи вынуждены были вернуться в Кострому.

Узнав о том, что галичане поддержали Юрьевичей в неудачной для него битве на Куси, Василий II, желая наказать Юрия, двинулся с войсками к Галичу.

Юрий бежал на Белоозеро. Василий II сжёг посады города, но крепость, обороняемую Юрьевичами, захватить не сумел и повернул в Москву.

В 1434 году Юрий с сыновьями и крупными силами, к которым присоединились вятчане, выступил в поход против Василия II. 20 марта 1434 года Юрий в решающей битве разгромил войска Василия II, который бежал в Новгород, и вновь занял Москву.

Великие княгини Софья Витовна и Марья Ярославна были высланы из Москвы. Казна великого князя досталась Юрию Дмитриевичу. Находившийся в бегах Василий Васильевич нигде не встречал поддержки и намеревался ехать в Орду.

В 1433 году Юрий Дмитриевич составил духовную грамоту, в которой Василию Косому доставался Звенигород, Дмитрию Шемяке – Руза, Дмитрию Красному (Меньшому) – Углицкое княжество, Галич и Вышгород.

5 июня 1434 года великий князь скончался и был похоронен в Архангельском соборе в Москве. Великим князем себя объявил его старший сын Василий Косой, о чём и известил своих братьев. Однако те не признали его княжения и позвали Василия Васильевича на великокняжеский стол.

– Если Богу не угодно было, – ответили они старшему брату, – чтобы княжил наш отец, то тебя-то мы и сами не хотим!

При приближении соединённых князей к Москве, Василий Юрьевич, забрав казну отца, бежал в Кострому, где начал готовиться к походу на великого князя. После того как его войско разбили на берегу реки Которосли, он бежал в Кашин.

После недолговременного мира великий князь выступил против Василия Косого с его братом, Димитрием Красным. Не надеясь на свои силы, Василий Юрьевич пустился на хитрости и предложил перемирие до утра. Великий князь распустил своих ратников, а Косой хотел напасть на него.

Василий Васильевич был вовремя извещен о грозившей ему опасности, и московские полки успели собраться. Косой был разбит, схвачен и приведён к великому князю, который отправил его в Москву.

Часть вятчан, не успевшая вовремя прийти на помощь Косому, взяла в плен ярославского князя Александра Брюхатого. Взяв с него окуп, вятчане, не освободили князя.

Василий Васильевич, узнав о таком вероломстве сподвижников Василия Юрьевича, приказал ослепить последнего (после чего, по одной из версий, князь и получил прозвище «Косой»). После этого Василий Косой сошела с исторической сцены и умер в заточении в 1448 году.

В 1445 году Шемяка вместе с Василием сражался на реке Каменке с сыновьями Улу-Махмета, но на помощь ему так и не пришел.

Это было одной из причин тяжелого поражения русских. Василий попал в плен и был выпущен лишь после того, как пообещал уплатить огромный откуп.

Пока Василий находился в плену, Шемяка вступил в переговоры с ханом. Посол Шемяки к хану был перехвачен, и теперь Дмитрий должен был опасаться великого князя. Он поспешил завязать переговоры с князем Иваном Можайским и Борисом Тверским.

В феврале 1446 года Шемяке дали знать, что Василий поехал на молебен в Троицкий монастырь, и в ночь на 12 он врасплох овладел Москвой. В ту же ночь Иван Можайский поехал в Троицкий монастырь и захватил там Василия. Так он ок45азался в этой сырой камере…

Тяжелые шаги в коридоре оторвали Василий от тяжких воспоминаний. Сердце его забилось. Вот и все! Сейчас с ним будет покончено!

Противно взвизгнул в замке ключ, дверь со скрипом открылась, и в камеру вошел Шемяка в сопровождении нескольких людей. При виде одного из них, Василий похолодел: это был палач его брата.

– Я не стану скрывать от тебя, – сказал Шемяка, – что хотел отрубить тебе голову, чтобы ты больше никогда не мешал мне. Однако рязанский епископ Иона уговорил меня пощадить тебя…

Шемяка, конечно же, лукавил и пощадил Василия отнюдь не по уговорам рязанского епископа. В Москве имелось достаточно сторонников Василия, и он боялся волнений в народе. Более того, многие были уже недовольны и тем, что он держит великого князя в заточении.

– Поэтому, – с тонкой усмешкой на губах продолжал Шемяка, – я решил отпустить тебя…

При этих словах Василий вздрогнул и недоверчиво посмотрел на Шемяку.

– Да, да, – кивнул тот, – я отпущу тебя, если ты дашь мне слово больше никогда выступать против меня…

– Дам! – быстро ответил Василий, обрадованный свалившимся на него счастьем.

Он готов был дать сто слов, только чтобы вырваться из этого узилища, а там… будет видно! Да и чего оно стоило это честное слово, данное под топором палача?

– Завтра же тебя вместе с женой отвезут в Углич, где ты теперь будешь проживать, но память о нашем свидании я тебе оставлю…

Шемяка взглянул на палача, и в следующее мгновение тот выколол великому князю глаза.

Московское великое княжение оказалась полностью в руках Шемяки. Василий Темного, как теперь стали называть бывшего великого князя, он вместе с женой сослал в Углич, Софью Витовтону – в Чухлому. Большинство верных Василию бояр новый правитель перебил, а остальных выгнал из Москвы.

Малолетним сыновьям Василия Ивану и Юрию удалось бежать, и они вместе с князьями Ряполовскими укрылись в Муроме. Однако Шемяке удалось обманом выманить их из города и отправить к родителям в Муром.

Злоключения Василия Темного и его семьи вызвали большое сочувствие к нему духовенства, изгнанных Шемякой из Москвы в Литву князей, служилых людей и простых москвичей. К тому же сам Шемяка не пользовался авторитетом среди населения Московского княжества.

В результате вновь собранное большое войско разбило отряды Шемяки, и в 17 февраля 1447 года Василий II снова занял свой престол.

К удивлению всех знавших великого князя, теперь это был совсем другой человек. После выпавших на его долю злоключений Василий изменил характер своего княжения.

Пребывая в полном здравии, Василий был самым ничтожным государем, но с тех пор, как он потерял глаза, все его правление стало отличаться твердостью, умом и решительностью.

Усевшись в Москве, слепой великий князь назначил своим соправителем старшего сына Ивана, который с тех пор стал называться, как и отец его, великим князем.

Иван родился 22 января 1440 года и, как мы уже видели, перенес вместе с отцом немало лишений и опасностей. В то время взрослыми считались лишь женатые мужчины, и чтобы закрепить за ним престол, Василий в двенадцать лет женил его на дочери тверского князя Бориса Александровича Марии.

С 1451 года Иван в официальных документах уже именовался великим князем. Именно тогда началась и постепенно расширялась политическая деятельность Ивана. Достигнув совершенного возраста, он вместо слепого родителя еще при жизни его руководил совершавшимися событиями, которые клонились к укреплению Москвы.

Однако не все было так просто. Шемяка, вынужденный дать «проклятую грамоту», в которой клятвенно обещал отказаться от всяких покушений на великое княжение, не смирился.

Духовенство писало Шемяке увещательную грамоту, Шемяка не слушал нравоучений, и московское ополчение, напутствуемое благословениями Ионы, двинулось на Шемяку в Галич вместе с молодым великим князем.

Шемяка потерпел поражение и бежал в Новгород, где новгородцы дали ему приют. Галич со своей волостью был вновь присоединен к Москве.

Шемяка продолжал бороться против Василия, взял Устюг, но молодой великий князь Иван Васильевич выгнал его оттуда. Шемяка опять бежал в Новгород.

Митрополит Иона объявил Шемяку отлученным от церкви, запретил есть и пить с ним и обвинил новгородцев в том, что они приняли его к себе.

Но ничто не помогало, новгородцы не думали расставаться с Шемякой, и тот продолжал свою враждебную деятельность против Москвы.

Вот тогда-то в Москве решили убить Шемяку, и одним из инициаторов его убийства выступил будущий государь Иван III. Сложно сказать, насколько это правда, но, по некоторым сведениям, молодой князь сам отправился в Великий Новгород.

Там он сошелся с когда-то обиженным Шемякой и с тех пор ненавидевшего его лютой ненавистью с дьяком Степаном Бородатым.

Прощупав почву и убедившись, что Степан именно тот человек, который ему нужен, Иван откровенно рассказал ему о цели своего приезда. Обрадованный возможностью не только отомстить своему врагу, но и стать помощником в столь деликатном деле будущему правителю Московского княжества, дьяк сразу же согласился.

Теперь оставалось только найти исполнителя. При посредничестве тоже недовольного Шемякой и близкого к нему боярина Ивана Котова заговорщикам удалось подкупить (или запугать) его повара положить ему яд в куриный суп.

Тот подложил, и в 1453 году Шемяка умер от отравления. Его союзник князь Иван Андреевич Можайский, не дожидаясь прибытия московского войска, бежал в Литву. Так было покончено с главным врагом московских великих князей.

Исполненный чувством радости от исполненного долга Иван вернулся домой, и уже тогда многим стало ясно, что будущий великий князь не остановится ни перед чем в достижении своих целей.

И далеко не случайно известный российский историк Костомаров писал о нем: «Это был человек крутого нрава, холодный, рассудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, непреклонный в преследовании избранной цели, скрытный, чрезвычайно осторожный; во всех его действиях видна постепенность, даже медлительность; он не отличался ни отвагою, ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами; он никогда не увлекался, зато поступал решительно, когда видел, что дело созрело до того, что успех несомненен.

Забирание земель и возможно прочное присоединение их к московскому государству было заветною целью его политической деятельности; следуя в этом деле за своими прародителями, он превзошел всех их и оставил пример подражания потомкам на долгие времена.

Рядом с расширением государства Иван хотел дать этому государству строго самодержавный строй, подавить в нем древние признаки земской раздельности и свободы, как политической, так и частной, поставить власть монарха единым самостоятельным двигателем всех сил государства и обратить всех подвластных в своих рабов, начиная от близких родственников до последнего земледельца. И в этом Иван Васильевич положил твердые основы; его преемникам оставалось дополнять и вести дальше его дело».

С того самого времени имя Ивана как соправителя отца стало появляться практически во всех официальных документах. Однако молодой князь занимался не только дипломатией и устранением неугодных людей, и в 1459 году он выступил во главе московского войска, чтобы отразить очередной набег хана Ахмата.

В 1460 году он правил Москвой, пока его отец разбирался с Новгородом. К этому времени у него уже появился наследник, сын Иван, получивший прозвище Молодого.

Василий Темный умер 27 марта 1562 года, и он мог оставить этот мир спокойно, поскольку преемственность престола была обеспечена надежно, а сам престол находился в надежных руках.

Хотя Иван III получил великое княжение по отцовской духовной грамоте, он не стал нарушать традицию и безропотно принял ярлык из рук ханского посла. Время окончательного разрыва с Ордой еще не пришло, и поначалу ему надо было разобраться с непокорным Новгородом.

Как покорить непокорных

Иван не стал изобретать ничего нового и продолжал то, что было им уже сделано при жизни отца. Печальные события его детства внушили ему ненависть ко всем остаткам старой удельной свободы и сделали его поборником единодержавия.

Будучи в высшей степени человеком осторожным, Иван поначалу уклонялся от резких проявлений своей главной цели объединения Руси и оказывал видимое уважение к правам князей и земель. И надо отдать ему должное: он казался всем своим потенциальным противникам противником насильственного введения новизны.

Ярославские и ростовские князья давно уже раздробили свои владения и самостоятельной роли не играли. Поэтому с превеликой готовностью перешли под великокняжеский патронат, пополнив когорту служилых князей, стоящих у престола. Тем не менее, существует предание, согласно которому Иван Васильевич захватил Ярославль со всей землею старанием дьяка Алексея Полуэктова. Но и по сей день остается тайной, все ли князья ярославской земли подчинились московскому государю добровольно и как Полуэктов сумел обмануть их.

С правителями Твери и Рязани он заключил договор, который сохранял владетельное право тверского князя над своею землей. Что же касается Пскова, тот тут великий князь Иван снова прибегнул к хитрости и, показав свое уважение к старине, заставил псковичей уважать свою власть.

В 1463 году псковичи прогнали от себя присланного к ним против их воли великокняжеского наместника и отправили к Ивану послов просить другого.

Иван три дня не пускал псковских послов, но на четвертый день смиловался и дал того самого князя, которого псковичи сами желали.

Иван хотя и сделал угодное псковичам, по обычаям старины, однако вместе с тем внушил им, что они обязаны этим соблюдением их старинных прав единственно его воле и милости, а если б он захотел, то могло быть и иначе.

Те смирились, и когда Новгород попросил у него воевод, чтобы действовать оружием против Пскова, за то, что Псков не повинуется новгородскому владыке. Иван Васильевич сделал новгородцам выговор.

Самостоятельность Великого Новгорода всегда колола глаза московским великим князьям, и, несмотря на договор от 1456 года, согласно которому в городе находился московский наместник, новгородцы со скрипом подчинялись московским порядкам.

В 1470 году ситуация с Новгородом обострилась до предела. В это время умер новгородский архиепископ Иона, и надо было решать, где и от кого поставляться новому иерарху: в Москве или в Киеве.

Да, в городе, как в любой купеческой республике, было много тех, кто личную выгоду предпочитали всему на свете. Но когда опасность падения независимости была слишком близко, в Новгороде образовался кружок, решивший спасти свое отечество от московского самовластия.

Душой этого кружка была вдова посадника, Марфа Борецкая, которая собрала около себя людей, готовых стоять за независимость Новгорода.

Кроме сыновей Марфы, с ней заодно были люди знатных боярских фамилий того времени: Арбузовы, Афанасьевы, Астафьевы, Григоровичи, Лошинские, Немиры и многие другие.

Люди этой партии имели влияние на простой народ и могли руководить вечем. Они больше не желали подчиняться московским порядкам и подговаривали городскую боярскую верхушку перейти под патронат польского короля и великого князя литовского Казимира IV. По той простой причине, что тот обещал сохранить городские вольности и не вмешиваться во внутренние дела Новгорода.

Чтобы обезопасить себя, новгородцы пригласили на службу литовского князя Михаила Олельковича с дружиной. Однако московского наместника прогонять не стали. Он и известил Ивана о настроениях в городе.

Узнав об этом, Иван Васильевич решил кончить дело миром и послал в Новгород своего посла.

– Люди новгородские, – передал тот слова Ивана, – исправьтесь, помните, что Новгород – отчина великого князя. Не творите лиха, живите по старине!

Однако новгородцы на вече оскорбили послов великого князя и просили передать Ивану Васильевичу, что «Новгород не отчина великого князя, Новгород сам себе господин».

Однако великий князь и на этот раз попытался действовать мирно. «Отчина моя, Великий Новгород, – писал он в своем новом послании, – люди новгородские! Исправьтесь, не вступайтесь в мои земли и воды, держите имя мое честно и грозно, посылайте ко мне бить челом, а я буду жаловать свою отчину по старине!

Но когда бояре заговорили о том, что Новгород оскорбляет его достоинство, Иван хладнокровно ответил:

– Волны бьют о камни и ничего камням не делают, а сами рассыпаются пеной и исчезают как бы в посмеяние. Так будет и с этими людьми новгородцами!

Но прежде чем пустить в ход силу, он еще несколько раз пытался уговорить Новгород не вставать на путь борьбы. Однако все было напрасно.

Развязка наступила после того, как новый архиепископ Феофил отказался на рукоположение ехать в Москву. В начале июня Иван двинул на Новгород свою рать. Великий князь дал приказание сжигать все новгородские пригороды и селения и убивать без разбора и старых, и малых. Цель его была обессилить до крайности новгородскую землю.

«Московские ратные люди, – писал Костомаров, – исполняя приказание Ивана Васильевича, вели себя бесчеловечно». 14 июля на реке Шелонь новгородское войско было полностью разгромлено, и вся боярская верхушка попала в плен.

Иван Васильевич, прибывший с главным войском вслед за высланными им отрядами, приказал отрубить голову четверым предводителям новгородского войска и в числе их сыну Марфы Борецкой.

Согласно мирному договору, новгородцы признавали себя «отчиной великого князя», любые сношения с иностранными державами им запрещались. В управлении городом большое значение стали иметь великоняжеские наместники и дворецкий. Многие северные волости перешли во владение московского великого князя. За свои прегрешения новгородцы были обязаны заплатить огромную по тем временам сумму в 16 тысяч рублей. Однако это было только началом окончательной ликвидации Новгородской республики.

Верный своему правилу действовать постепенно, Иван Васильевич не стал сразу уничтожать самобытность новгородской земли и оставил им и вече, и должность посадника.

Иван все рассчитал правильно, и очень скоро часть жителей, недовольных самоуправством посадника Ананьина, обратилась с жалобами на него к самому Ивану.

Тот быстро приехал «с миром и многими людьми» в Новгород. 26 ноября 1475 года на Городище состоялся княжеский суд. Иван счел обвинения в адрес посадника справедливыми и отправил его в кандалах в Москву.

Такая «справедливость» великого князя вызвала к нему симпатии многих новгородцев. Но в то же самое время в городе оставалось много и таких, кто по-прежнему желал отделиться от Москвы и пойти в подчинение польскому королю.

В мае 1477 года они подняли мятеж против великого князя и перебили многих его сторонников. В своем письме к Ивану они заявили, что «не желают называть его государем и тиуном (судьей) и пускать к себе не намерены.

Ивану снова пришлось взяться за оружие, и 27 ноября его полки, готовые в любую минуту двинуться на штурм города, расположились на льду озера Ильмень.

Мятежники решили пойти на уступки и послали к Ивану послов. Однако тот заявил, что никаких уступок не будет и он намерен присоединить Новгород к своему государству со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Новгородцы смирились, поскольку стоявший во главе их войска князь В.В.Шуйский перешел на сторону великого князя. 14 декабря было объявлено, что в Новгороде не будет веча, а вечевой колокол будет снят и отправлен в Москву.

Царевна-отравительница…

Зима 1467 года по рождеству Христову на Руси выдалась суровой.

Сотни, если не тысячи, людей замерзали в полях, лесах и на дорогах и так и оставались лежать непогребенными под снежным саваном.

Надо ли говорить, с каким нетерпением измученные лютым холодом люди ждали прихода весны.

Но и весна не принесла облегчения, в апреле продолжали бушевать метели, стояли в ледяном плену реки, и по Руси поползли слухи о конце света.

Сложно сказать, верил ли в них находившийся в апреле в Коломне великий князь московский Иван Васильевич, но в Москву не спешил.

И все же ему пришлось туда ехать. 23 апреля к великому князю прибыл из Москвы гонец, который сообщил Ивану о кончине жены.

Мария Борисовна умерла накануне большого праздника – Юрьева дня 23 апреля. В то время покойников на Руси хоронили на другой день после смерти, и похороны великой княгини были назначены на 24 число.

Тело несчастной женщины так распухло, что покров, который прежде был велик, висел по краям, теперь уже не мог прикрывать покойницы. Все это указывало на признаки отравления, и на Москве начали толковать, что княгиня была убита.

Однако великий князь повел себя странно. По каким-то ведомым только ему причинам он не поспешил тотчас в Москву, хотя даже по тяжелой весенней дороге до столицы можно было добраться за день.

На похороны великий князь опоздал, и Марию Борисовну похоронили в соборе женского Вознесенского монастыря в московском Кремле без него.

На этом странности не кончились, поскольку, прибыв в столицу, Иван не стал разибраться в причинах смерти молодой и здоровой женщины, хотя по Москве ходили упорные слухи, что Мария Борисовна умерла «от смертного зелия».

Называли и предполагаемую отравительницу – жену дьяка Алексея Полуектова Наталью, которая якобы тайком посылала к какой ворожее пояс великой княгини для злой ворожбы.

Живший во времена Ивана Грозного князь А. М. Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» называл бабку Ивана Грозного «святой» и выражала недоумение, кому могла помешать «добрая и смиренная» Мария Тверитянка.

По сей день не спешат с выводами и историки, которые только разводят по этому поводу руками. «В обстоятельствах смерти Марии Борисовны, – писал один из них, – каковы бы они ни были на самом деле, трудно увидеть политическую подоплеку: при дворах сильных мира сего и пятьсот лет назад процветали зависть, интриги и недоброжелательство».

Однако причины, и причины именно политические, для убийства «тихой» Марии Борисовны были, или, вернее, могли быть. Всем было известно, что брак княжича Ивана с дочерью Бориса Тверского был вынужденным. Он преследовал решение конкретной политической задачи – возвращения Василия Темного на московский престол.

Да, к тому времени ситуация изменилась. Отношения с ослабевшей Тверью уже не были в середине 60-х годов XV века наиважнейшими для Ивана III. Теперь перед ним стояли совсем другие задачи.

Падение Византии кружило голову заманчивыми перспективами. Быстро набиравшее силу Московское княжество было уже готово превратиться в Московскую Русь. И здесь немалую роль могла сыграть престижная женитьба.

Именно поэтому такая безродная жена, какой являлась Мария Тверитянка, была Ивану не нужна. Со слов современников известно, что великий князь тяготился этим, как мы бы теперь сказали, мезальянсом, и не скрывал своих настроений от придворных. И как знать, может быть именно тогда услужливый дьяк Полуектов решил помочь своему государю.

Но какими бы ни были причины смерти княгини Марии Борисовны, это событие неизбежно влекло за собой серьезные перемены не только в семейной жизни великого князя, но и в жизни всей страны.

Возможно, именно этими соображениями и объяснялась та удивительная мягкость, с какой Иван III обошелся с предполагаемыми убийцами.

Дьяку запрещено было являться на глаза великому князю, однако через шесть лет он был прощен. Что стало с самой отравительницей осталось неизвестным.

Подобное поведение великого князя казалось странным. Все знали «собирателя земли русской» и основателя единого государства Российского как человека крутого и страшного в гневе. И не случайно именно его, а не внука Ивана первым прозвали на Руси Грозным.

Однако нельзя сказать, что отравление жены прошло совсем бесследно для великого князя. Точно так же, как и его кровавый внук, Иван III после смерти первой жены ожесточился, стал подозрительным и постоянно искал вокруг себя заговоры.

Но в отличие от Ивана IV, который через две недели после смерти Анастасии послал сватов к польскому королю, снова жениться он не спешил.

Надо полагать, ждал выгодной партии, соответствующей его великим замыслам. Ведь именно сейчас женитьба на знатной иностранке была очень полезна Руси с точки зрения международных отношений.

И он дождался. В 1468 году итальянец Джан Баттиста делла Вольпе (известный в Москве как Иван Фрязин), которого Иван III сделал ответственным за чеканку монет, направил в Италию Никколо Джилярди и грека Юрия. Они должны были найти итальянских техников для работы на Руси.

Агенты Вольпе были приняты в Риме папой Павлом II, который решил использовать их для переговоров о женитьбе Ивана III на византийской принцессе Зое Палеолог, племяннице византийского императора Константина XI.

В феврале 1469 года Юрий вернулся в Москву с итальянскими техниками и письмом кардинала Виссариона, наставника Зои, с предложением ее руки. В случае удачного завершения дела Папа обещал Ивану свою поддержку в решении многих политических вопросов.

Понятно, что, прежде всего, Папа думал о собственных интересах. Во-первых, он освобождался от осточертевшей ему Зои, которую безуспешно сватали к разным влиятельным лицам. Но главным было все же то, что, устраивая брак Зои с русским великим князем, Папа намеревался утвердить «римскую веру» на Руси и сделать великого князя московского своим союзником против Османской империи.

Сам Иван Фрязин намеревался в результате этой комбинации стать агентом папы и Венеции на Востоке. Для того, чтобы еще больше войти в доверие к Ивану, он принял православие, оставаясь в душе рьяным католиком. Он пошел на прямой обман и уверил московского князя, что Зоя была православной.

Получив столь заманчивое для него предложение, Иван III собрал семейный совет, куда были приглашены братья великого князя, ближние бояре, мать, княгиня Мария Ярославна, и митрополит Филипп.

Решающее слово принадлежало матери, женщины весьма крутого нрава, которую Иван побаивался до конца ее дней. Судя по всему, княгиня благосклонно восприняла предложенный Папой династический проект.

А вот митрополит выступил против брака с Софьей, и, как писал летописец, «был отстранен от решения такого важного вопроса».

В 1470 году Иван III послал Вольпе в Рим на переговоры с Папой Павлом и кардиналом Виссарионом, и засидевшая в невестах Зоя без особых раздумий согласилась выйти замуж за русского великого князя.

Еще бы ей не согласиться. Детство Зои не было счастливым. Ее отец, Фома Палеолог, брат последнего византийского императора Константина XI, был правителем Мореи до 1460 года. Спасаясь от наступающих турок, он бежал на остров Корфу.

Оставив на острове жену и детей, он отправился в Италию, где безнадежно пытался найти признание своих прав на византийский престол со стороны Папы.

Фома и его жена скончались около 1462 года. Их дети – двое мальчиков и Зоя были привезены в Италию. Зое тогда было около четырнадцати лет.

Папа поручил выдающемуся греческому ученому, обращенному в римский католицизм, кардианлу Виссариону, обеспечить образование детей Фомы.

Один из двух учителей, назначенных Виссарионом, был греком, а учитель латыни – итальянцем. Еще два католических священника должны были позаботиться о религиозном воспитании наследников.

В своих наставлениях учителям Виссарион особо подчеркивал то, что детям не следует хвастать своим царственным происхождением, а всегда помнить, что они изгнанники, сироты и нищие, а потому должны быть смиренными и благодарными своим благодетелям.

Зоя вряд ли испытывала удовольствие от постоянных напоминаний о своем униженном положении и о благодарности, которую она чуть ли не каждый день должна была выражать своим благодетелям.

Несмоненно и то, что такое воспитание могло развить в девочке либо комплекс неполноценности, либо лицемерие или же то и другое вместе и сформировать у нее циничное отношение к жизни.

Вольпе привез в Москву портрет Зои. Но так ли это было на самом деле, неизвестно, так как это полотно не обнаружено до сих пор.

На другой картине она была изображена коленопреклоненной перед папой. Ее лицо можно назвать симпатичным, если, конечно, портрет был близок к оригиналу.

Итальянская княгиня Кларисса Орсини, которая навестила ее в Риме в 1472 году, считала ее красивой, хотя флорентийский поэт Луиджи Пулчи, который был при их встрече, представил ее в письме своему другу отталкивающе толстой.

Так или иначе, решение о браке с византийской принцессой было принято, и 16 января 1472 Фрязин отправился в Рим за невестой.

Когда Фрязин приехал в Рим, ему сообщили, что Павел II умер и католическую церковь возглавил Сикст VI. Посланец Ивана не стал долго размышлять и стер в письме Ивана имя почившего Папы и написал новое.

24 мая 1472 года московские посланцы были приняты Сикстом IV, а 1 июня в Ватикане состоялась помолвка Зои с Иваном III, в роли довереного лица которого выступал Фрязин.

Через месяц Зоя в сопровождении большой свиты отправилась в Московию. В Пскове духовенство, бояре и все население города устроили ей пышный прием. Еще до начала путешествия Зоя приняла православие и первым делом посетила собор Святой Троицы.

12 ноября 1472 года Зоя въехала в Москву, и после торжественной службы была обвенчена с Иваном. Служил сам митрополит, и Зоя получила имя Софья.

Венчание чуть было не закончилось скандалом, так как сопровождавший Зою папский легат попытался войти в православную церковь с «латинским крестом».

Митрополит Филипп возразил против публичной демонстрации латинского креста в Москве и пообещал покинуть город, и, несмотря на все возражения Фрязина, легату запретили нести распятие перед ним.

Так папский легат уже в первый же день своего пребывания в столице понял, что Зоя потеряна для их дела. Тем не менее, он задержался в Москве еще на два месяца и попытался получить согласие Ивана на союз против турок. Затем он отправился на родину, увозя с собой богатые подарки и… обещание великого князя подумать.

Что же касается новоиспеченной жены великого князя, то вместе с нею на Руси появился двуглавый герб, а Кремль стал центром интриг и заговоров.

Зоя стала русской великой княгине, что очень не нравилось многим придворным. Они считали ее интриганкой, пытавшейся получить власть над супругом и ослабить позиций его бывших советников.

Князь Андрей Курбский, который порвал с сыном Василия Иваном IV и перешел на литовскую сторону, называл Софью «греческой колдуньей» и сожалел о ее дурном влиянии на Ивана III.

Однако Зоя была слишком хитра, чтобы портить отношеня с мужем и свекровью, которую очень уважал, а скорее боялся, великий князь.

Она приехала в Московию всерьез и надолго. Для окончательного утверждения на русском престоле ей нужен был сын. На радость недоброжелателям, Софья родила подряд трех дочерей. Великая княгиня молила Бога даровать ей сына.

Летом 1478 года Иван с супругой отправился на богомолье к гробу преподобного Сергия Радонежского в Троицком монастыре. И случилось чудо: у ворот монастыря Софье явился сам великий старец. На руках у него был мальчик, и она почувствовала, как в нее «что-то вошло».

Ее молитвы не прошли даром, и 26 марта 1479 года на свет появился мальчик. В честь деда его назвали Василием.

Рождение сына наложило свой отпечаток на и без того плохие отношения между Софьей и сыном великого князя Иваном Молодым.

Иван Молодой не испытывал к мачехе ни малейшего почтения и вел себя в ее присутствии вызывающе. Софья платила ему той же монетой.

Их отношения осложняло еще и то, что едва успев приехать в Москву, новая правительница стала запускать руку в великокняжескую казну, как в свой карман, и щедро одаривать своих итальянских родственников.

Как писали про Софью летописи, она «много истеряла казны великого князя; брату давала, кое племяннице давала – и много».

Особенно она облегодетельствовала своего брата Андреаса, известного на всю Европу авантюриста, который умудрился продать права на уже несуществующий к тому моменту византийский престол трем людям. У него хватило наглости сделать предложение на «права на византийский престол» и Ивану III.

Особенно Ивана Молодого возмутило то, что его «мама» отдала своей племяннице бесценные драгоценности его матери. И в 1483 во время крещения первого царского внука Дмитрия, сына Ивана Молодого и Елены Волошанки, по этому поводу разразился грандиозный скандал.

Новорожденный Дмитрий был продолжателем как династий московских и тверских князей, так и молдавских господарей. Было решено подарить фамильные сокровища тверских князей Елене.

Вот тут-то и выяснилось, что драгоценности исчезли. Вслед за ними пропала и Софьина племянница, которая сумела уйти от посланной за ними погони.

Но дело было не только в золоте. После рождения Василия перед Софьей встал вопрос об участи ее сына и его братьев. Наследником престола оставался Иван Молодой, у которого был сын Дмитрий.

Софья прекрасно понимала, что после смерти Ивана III его сын быстро избавится от нее и ее детей. Вряд ли она сомневалась и в том, что после прихода к власти Молодого, ей придется коротать свой век в каком-нибудь позабытом богом монастыре вместе с ее византийскими интригами, идеей обожествления верховной власти, казнокрадством и иностранными аферистами.

В 1485 году умерла мать Ивана III, Софья стала «первой дамой» московского двора, и ее влияние на супруга усилилось. Но о смене наследника не могло быть и речи.

Зимой 14890 года в Москву вместе с братом приехало много всякого рода умельцев, начиная от художников и кончая пушечных дел мастерами.

По просьбе заботливой «мамы» приехавший вместе с ними лекарь Леон обратил внимание на то, что князь Иван Иванович Молодой страдает болезнью ног. И пообещал Ивану вылечить сына.

В заклад он поставил… свою голову. «Если я не сдержу своего слова, – заявил он великому князю, – можешь казнить меня!»

Тот так и сдела, и после того как Иван Молодой в результате лечения умер, лекарю отрубили голову. Оставалось только выяснить, от чего же на самом деле умер страдавший от подагры царевич.

От этой болезни не умирали даже в те дремучие времена. Тем более так стремительно и, что самое главное, вовремя.

Подозрение пало на Софью, чьи отношения с пасынком оставляли желать много лучшего. Положение усугублялось еще и тем, что сама Софья не пользовалась любовью москвичей. В летописях можно найти немало выпадов в ее адрес, и вполне понятно, что молва приписала ей и убийство Ивана Молодого.

Правда, князь Курбский обвинил в отравлении Ивана Молодого его отца. Но вряд ли такое было возможно, и маловероятно, что великий князь приказал отравить столь любимого им сына. Если он и был в чем-то виноват, так только в том, что поддался уговорам своей хитрой жены и разрешил Леону пользовать сына.

Что же касается несчастного лекаря, то, скорее всего, он стал жертвой заговорщиков, на которого списали гибель российского наследника.

В том, что Иван Молодой был отравлен, не сомневался никто, поскольку были налицо все симптомы отравления змеиным ядом. И на Москве сразу же заговорили о том, что Софья родилась и выросла в краях, где прекрасно знали змей и свойства их яда.

Вполне возможно и то, что царевна-отравительница пользовалась каким-то растительным ядом. И далеко не случайно вскоре после смерти Ивана Молодого были пойманы и утоплены в Москве-реке бабы-воржьи, носившие Софье смертоносное «зелье».

Что же касается самого великого князя, то он не мог не понимать, кому была выгодна смерть его сына. Однако никаких выводов относительно своей жены не сделал и продолжал относиться к ней так, словно ничего не произошло.

Палач собственной семьи

Итак, главное препятствие в лице наследника великокняжеского престола было устранено. Но не все оказалось так просто, ибо теперь на престол претендовал внук мужа и сын Ивана царевич Дмитрий.

Положение осложнялось еще и тем, что притязания Дмитрия подкреплялись еще и тем, что его отец был официально провозглашенным великим князем – соправителем Ивана III и наследником престола.

Иван III прекрасно понимал, что ему надо было решать этот сложный вопрос как можно скорее. В противном случае страна могла быть ввергнута в новую династическую смуту, и московская знать уже начала делиться на партии и готовиться к борьбе за власть.

Великий князь оказался перед мучительным выбором. Назначив наследником и своим соправителем Дмитрия-внука, он обрекал на гибель Софью и ее детей.

Торжество Василия означало бы неминуемую расправу с Дмитрием-внуком и Еленой Волошанкой сразу после кончины Ивана III.

Всегда решительный Иван долго не решался объявить свое решение-приговор. Бояре помнили кровавую смуту, затеянную удельными князьями при Василии II, и твердо поддерживали законную тверскую ветвь династии.

Они с тревогой наблюдали за взаимоотношениями между Дмитрием-внуком и его дядей Василием, сыном Софьи и делали все возможное, дабы укрепить великого князя в решении провзгласить наследником царевича Дмитрия. Таким путем они надеялись пресечь смуту в самом зародыше.

После долгих и мучительных раздумий Иван III осенью 1497 года назвал наследником Дмитрия и приказал подготовить для внука невиданный прежде обряд – торжественное «венчание на царство» по случаю его близкого совершеннолетия.

В связи с этим надо рассказать вот о чем. Как мы знаем, после падения Константинополя в 1453 году и образование мощного Московского государства создали почву для распространения в русском обществе идеи «Москва – новый Царьград».

Однако мысль о византийском наследии развивали не греки из окружения царевны Софьи, а духовные лица и книжники, близкие ко двору Елены Волошанки.

Митрополит Зосима, которого считали единомышленником жены отравленного византийской принцессой Ивана Молодого Елены, сформулировал новую идею в сочинении «Изложение пасхалии», поданном московскому собору в 1492 году.

В похвальном слове самодержцу Ивану III пастырь не упомянул о браке государя с византийской принцессой. В то же время он подчеркнул, что Москва стала новым Константинополем благодаря верности Руси Богу.

Сам Бог поставил Ивана III – «нового царя Константина новому граду Константину – Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя».

Предание о «шапке Мономаха» доказывало, что русские великие князья породнились с византийской династией задолго до греческого брака Ивана III, и родство было скреплено передачей им царских регалий.

Отсюда следовало, что правом на трон обладал старший праправнук Мономаха, тогда как греческое родство удельного князя Василия не имело значения. Теорию греческого наследства выдвинули противники греческой царевны Софьи.

Понятно, что все это делалось и для того, чтобы доказать право не престол не только детей от племянницы византийского императора, но и царевича Дмитрия.

Коронацию готовили втайне от «грекини». Но один из доверенных дьяков выдал тайну Василию и его матери. В окружении Софьи возник заговор.

Его участники попытались опереться на великокняжеский двор, для чего «тайно к целованию приведоша» многих детей боярских из состава двора.

Наиболее решительные заговорщики советовали княжичу Василию собрать войско, захватить Вологду и Белоозеро вместе с находившейся там великокняжеской казной.

Таким путем сторонники «грекини» рассчитывали предотвратить коронацию Дмитрия-внука. Никто из членов Боярской думы не принял участия в авантюре, что и предопределило ее неудачный исход.

Главные советники Василия дети боярские Еропкин и Поярко были четвертованы, другие заговорщики – князь Палецкий-Стародубский, В. Гусев и дьяк Стромилов – лишились головы.

Софью подозревали в попытке отравить Дмитрия, которая якобы уже приготовила яд и ждала удобного случая отравить княжича. На этот раз Иван III не решился спустить дело на тормозах и приказал провести розыск.

В ходе следствия выяснилось, что Софью во дворце посещали колдуньи и ворожеи, приносившие зелье. Иван III велел тотчас же утопить «лихих баб» в Москве-реке, а с женой «пача жить в бережении».

«И, – пишет летописец, – в то время опалу положил князь великий на жену свою, на великую княиню Софию. Княжича Василия некоторое время держали под арестом «за приставы».

14 февраля 1498 года Дмитрий был торжественно коронован великокняжеской короной в Успенском соборе Кремля.

Если говорить откровенно, то Дмитрий не имел никакого отношения к греческой императорской фамилии, тем не менее, церемония в Кремле напоминала обряд коронации византийских василевсов.

Это было первое в русской истории «венчание на царство». Митрополит Симон возложил на голову Дмитрия знаменитую «шапку Мономаха», после чего Иван III передал внуку все древние семейные реликвии, предназначавшиеся старшему сыну – наследнику престола.

Софьи и Василия на коронации не было. Казалось, их дело окончательно проиграно. Придворные бросились угождать Елене Стефановне и ее коронованному сыну.

Однако вскоре толпа льстецов отступила в недоумении. Великий князь так и не дал Дмитрию реальной власти, удерживая все нити в своих руках.

Он продолжал мучительно искать выхода из династического тупика. Дмитрию были даны в управление лишь некоторые северные уезды.

В январе 1499 года Иван III внезапно обрушил гнев на своих давних фаворитов князей Патрикеевых. Глава дома, Иван Юрьевич Патрикеев, был приговорен к смертной казни, которую в последний момент заменили пострижением в монахи и ссылкой в Троице-Сергиев монастырь.

Его сын Василий Косой (будущий вождь нестяжателей Вассиан Патрикеев) также изведал страх смерти, но в итоге отделался пострижением и ссылкой в Кирилло-Белозерский монастырь.

На плаху отправился зять Ивана Патрикеева – князь Семен Иванович Ряполовский. Казнь была совершена во вторник 5 февраля на льду Москвы-реки, «пониже мосту», – на том самом месте, где годом ранее казнили участников заговора в пользу Василия и Софьи.

Через два месяца Иван арестовал еще двух представителей московской знати – князя Василия Ромодановского и Андрея Коробова Тверитина. Вероятно, эти двое имели какое-то отношение к делу Патрикеевых.

Опала на Патрикеевых, несомненно, была прямо связана с вопросом о престолонаследии. Заглядывая вперед, легко было предвидеть жестокую борьбу, которую предстояло выдержать 14-летнему Дмитрию в случае кончины деда.

Иван заранее подготовил для внука опору – могучий клан князей Патрикеевых во главе с многоопытным Иваном Юрьевичем Патрикеевым, фактическим руководителем московского правительства в 90-е годы.

Построив всю эту конструкцию, Иван III, вопреки своим ожиданиям, не умер, и первоначальный замысел уже не казался ему столь удачным.

Но если прежде он страдал от укоров совести относительно судьбы своей первой семьи, то теперь Ивана стали терзать сожаления о второй.

Бессонными ночами он видел своих юных сыновей Василия, Юрия, Дмитрия Жилку, Семена, Андрея в тяжких оковах, на тюремной соломе.

Он слышал во сне (а может быть, и наяву) душераздирающие вопли великой княгини Софьи, с которой он хорошо ли, плохо ли, но прожил вместе 25 лет.

Он думал об опасности для московского дела того мятежа, знаменем которого неизбежно станут сыновья Софьи. Предотвратить этот мятеж можно было только двумя способами: либо немедленно уничтожить свою вторую семью, либо завещать престол Василию и уничтожить семью Ивана Молодого.

Первое оказалось невозможным. Но и второе требовало невероятного насилия над собственной совестью. И все же второе решение перевесило.

Разгром клана Патрикеевых в январе 1499 года означал ликвидацию того правительства, которое должно было обеспечить воцарение Дмитрия. Вероятно, старый князь Патрикеев был искренне предан семейству Ивана Молодого и отказался перейти на сторону Василия.

Дальнейшие шаги государя стали естественным продолжением этого мучительного решения. В четверг 21 марта 1499 года Иван III «пожаловал сына своего князя Василия Ивановича, нарек его государем великим князем, дал ему Великий Новгород и Псков в великое княженье».

В итоге на Руси появились сразу три великих князя: отец, сын и внук. Такого ко многому привыкшая страна еще не видала.

Столь неожиданное решение всполошило псковичей, увидевших в нем умаление своего статуса «вотчины» самого великого князя Ивана.

Они отправили в Москву делегацию с просьбой отменить распоряжение. Результат этого посольства псковский летописец изображает в сумеречных тонах: «И великий князь Иван Васильевич на наших посадников и бояр опалился: чи не волен яз в своем внуке и в своих детех; ино кому хочю, тому дам княженство; да дал княженство сыну своему Василью Новгород и Псков…»

Для острастки Иван приказал бросить двух псковских бояр в темницу, а прочих отправить назад без обычного поклона всему Пскову. Лишь год спустя псковичам удалось упросить Ивана сменить гнев на милость.

Впрочем, Иван III все еще колебался в своем роковом выборе. 2 апреля 1499 года он отправил своих послов к датскому королю Гансу «просити дочь его за внука своего Димитрия».

Сватовство закончилось ничем. Однако само это предприятие означало, что у Дмитрия весной 1499 года еще оставались политические перспективы.

В четверг 13 февраля 1500 года в Москве сыграли пышную свадьбу. Иван III выдал свою 14-летнюю дочь Феодосию замуж за князя Василия Даниловича Холмского – сына знаменитого полководца и предводителя тверского «землячества» в Москве.

Тем самым была протянута еще одна связующая нить между детьми Софьи Палеолог и верхушкой московской знати. Этот брак, имевший явно политическую подоплеку, закончился трагически. Ровно через год Феодосия умерла.

Летом 1500 года, когда Василий Иванович принимал участие в сражении с литовцами в районе Дорогобужа, «на Свинском поле», произошел загадочный эпизод, о котором довольно туманно сообщает один поздний летописец.

Суть дела одни историки понимают так, что Василий изменил отцу и перешел на сторону Литвы, но затем вернулся, получив от Ивана обещание сделать его наследником престола.

Другие полагают, что речь идет всего лишь о мелком боевом эпизоде: полк Василия был обращен в бегство литовским войском, и княжич укрылся от неприятеля в Вязьме.

Если принять первую версию, то это означает, что призрак новой династической смуты стоял тогда у самых ворот московского Кремля.

Развязка затянувшейся семейной драмы наступила лишь через два года. «Тое же весны (1502 года) князь велики апреля 11 в понедельник положил опалу на внука своего великого князя Дмитрея и на его матерь на великую княиню Елену, и от того дни не велел их поминати в ектеньях и литиах, ни нарицати великым князем, и посади их за приставы».

Причина и даже повод для расправы остаются неизвестными. Некоторые летописи глухо сообщают, что мать и сын были арестованы «за некое их прегрешение».

Через три дня великий князь «пожаловал сына своего Василия, благословил и посадил на великое княженье Володимерьское и Московское и всеа Руси самодеръжцем, по благословению Симона, митрополита всеа Руси».

Царственным узникам были определены самые жестокие (по существу – убийственные) условия содержания. Устюжская летопись сообщает: «Того же лета князь великий Иван Васильевич посадил сына своего Василья Ивановича на великое княжение, а внука своего князя Дмитрея Ивановича посадил в камень (каменную темницу) и железа (цепи) на него положил».

Вероятно, столь же тяжким было и заточение Елены Волошанки.

После ареста внука и снохи Ивану стало невмоготу жить в Кремле, поблизости от их темницы.

В четверг 9 июня 1502 года он со всей семьей уехал в свою загородную резиденцию в Воронцово и пробыл там до 21 декабря.

Ровно через год после этих событий, 7 апреля 1503 года, умерла Софья Палеолог. Летописи не сообщают каких-либо подробностей ее кончины, за исключением того, что тело великой княгини было погребено в соборе кремлевского Вознесенского монастыря.

Ее похоронили рядом с могилой первой жены Ивана III – тверской княгини Марии Борисовны.

Но, как и всегда бывает в таких случаях, по Москве поползли слухи об очередном убийстве в благородном сейместве. В чем не было ничего удивительного.

Софью не любили в Москве за ее влияние на великого князя и за перемены в московской жизни – «нестроения великие», как выразился боярин Берсень-Беклемишев.

Она вмешивалась и во внешнеполитические дела, настаивая, чтобы Иван III перестал платить дань ордынскому хану и освободился от его власти. И будто бы однажды молвила она мужу: «Я отказала в руке своей богатым, сильным князьям и королям, для веры вышла за тебя, а ты теперь хочешь меня и детей моих сделать данниками; разве у тебя мало войска?»

Как отметил В.О. Ключевский, искусные советы Софьи всегда отвечали тайным намерениям ее мужа. Иван III действительно отказался платить дань и растоптал ханскую грамоту прямо на ордынском дворе в Замоскворечье, где потом возвели Преображенский храм.

Но и тогда народ «наговорил» на Софью. Перед выходом к великому стоянию на Угре в 1480 году Иван III отправил жену с малыми детьми на Белоозеро, за что ему приписали тайные намерения бросить власть и бежать с супругой, если хан Ахмат возьмет Москву.

Долгое время смерть Софьи была окружена завесой тайно. Однако благодаря усилиям антропологов и экспертов-криминалистов стало известно, что великая княгиня была небольшого роста (не более 160 см), болела остеохондрозом и имела серьезные гормональные нарушения, обусловившие мужеподобность облика и поведения. Главным выводам был тот, что ее смерть наступила по естественным причинам в возрасте 55–60 лет.

В сентябре 1503 года летописи сообщили и об ухудшении здоровья самого князя Ивана: «Того же лета, месяца июля в 28… князь великий Иван Василиевич всеа Русии начят изнемогати…» Далее летописец назидательно добавляет: «Его же бо Господь любит, наказует».

Условия содержания державного узника после кончины Ивана стали еще более суровыми. Дмитрий сидел в тесной камере в железных оковах. Там он и умер 14 февраля 1509 года в возрасте 25 лет.

Что же касается Ивана III, то, судя по воспоминаниям современников, он очень страдал в последние годы своей жизни. Да и как было не страдать человеку, который стал палачом своей собственной семьи…

Загадки Угры

В 1480 году произошло одно из самых знаменательных событий, которое существенно повлияло на дальнейший ход истории нашей Родины, – великое стояние на Угре.

Ровно за сто лет до этого произошла знаменитая Куликовская битва, которую считают самой значимой в борьбе с татаро-монгольским игом.

На самом деле, эта битва, хоть и была победоносной, не освободила Русь от вассальной зависимости от Золотой орды. Но за эти сто лет страна настолько окрепла экономически и духовно, что смогла довести дело до конца. Эту миссию выполнил великий князь Московский Иван III.

В 1465 году ханом Большой Орды стал Ахмат-хан. Впервые Ахмат появился на русской земле в 1460 году. Он пришел с большим конным войском в Рязанское княжество, простоял под его столицей Переяславлем-Рязанским шесть дней и с большими потерями ушел обратно в степи.

Большая Орда не смогла удержать под собой большую часть территории канувшей в лета Золотой Орды. Хана Ахмата заботило не только то, что его власть отказались признавать Казань и Крым, но и пустая сарайская казна. Основу ее составляли московская дань и военная добыча в набегах на соседей.

О том, что Русь уже больше не боялась ордынцев, свидетельствовали не только походы московских ратей на Казанское ханство, но и набеги вятских (как когда-то – новгородских) ушкуйников вниз по Волге. Так, в 1471 году вятчане судовой ратью спустились по Волге до Сарая, взяли его с боем и разграбили. Ордынцы не стали восстанавливать сожженный Сарай.

Ахмат решил нанести ответный удар по Руси. Летом 1472 года он во главе огромного войска двинулся в поход. По одной из версий, хан действовал по наущению польского короля Казимира IV. Ордынское войско подступило к порубежному городу Алексину.

Однако «перелезть» через Оку ордынцы не успели. «Берег» был уже прикрыт московскими полками. Хан решил взять Алексин приступом, который горожане отбили. Тогда ордынцы подожгли деревянные стены и сам городок, истребив в ходе пожара его жителей.

Стоявшие на противоположном берегу Оки великокняжеские полки на помощь Алексину не пришли. Тем не менее, Ахмат поспешил уйти в степь.

После этого набега великий князь Иван III Васильевич повелел прекратить выплату регулярной дани Орде, что было равносильно отказу своей зависимости от нее и что неминуемо должно было привести к новому столкновению.

Однако до 1480 года Ахмат был занят борьбой с Крымским ханством. По сообщению «Казанской истории», непосредственным поводом к началу войны стала казнь ордынского посольства, отправленного Ахматом к Ивану III за данью.

Как гласит легенда (а многие историки считают, что это только легенда), великий князь отказался выплачивать деньги хану, затем взял «басму лица его» и растоптал её. После чего он приказал казнить всех ордынских послов, кроме одного.

Ответной реакции ждать долго не пришлось: хан Ахмат заключил союз с польско-литовским королём Казимиром IV о совместном походе на Москву.

Иван III тоже искал союзников, но страну по-прежнему разрывали феодальные междоусобицы, и он заключил союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, который обещал выступить против Казимира IV.

Не было единства и в окружении самого Ивана III. Часть Московской знати была за объединение для борьбы с Ордой, другая выступала за отказ от борьбы. А ханские толпы уже подошли к Угре и остановились у Воротынска.

Иван направил свои основные силы под командованием Ивана Молодого и Андрея Меньшого к Калуге на берег реки Угры, где 8 октября 1480 года они отразили попытку хана Ахмата форсировать реку с ходу.

Узкая Угра не представляла сильного естественного препятствия для противника, поэтому из тактических требований было бы неразумно держать все силы в одном месте у реки, чтобы не получить угрозу атаки с фланга или окружения.

Русские войска расположили свои заставы на всех возможных переправах через реку. Сам же великий князь располагался в городе Кременце, между Медынью и Боровском, примерно в 50 километрах позади русских полков.

Такой выбор для своей ставки говорит вовсе не о нежелании великого князя самому принимать участие в возможной битве, тем более не о его трусости. Так Иван III решал две задачи.

Прежде всего, он предоставил возможность своим полководцам действовать без оглядки на князя.

С другой стороны, расположение Ивана в Кременце прикрывало основные силы русского войска со стороны Литвы и давало возможность для маневрирования в случае переправы Ахмат-хата через Угру.

Это было блестящим стратегическим ходом. В Кременце Иван I не сидел без дела и активно занимается дипломатией. Он не хотел вступать с ханом в большое сражение и желал победы малой кровью.

Он послал к Ахмату посла с дарами. Тот не принял подарков и потребовал, чтобы к нему явился сам Иван. Однако посланный ханом к Ивану гонец вернулся ни с чем.

Обмен бесполезными условиями и послами помогал Ивану выиграть время, да и мелкие стычки на возможных переправах вдоль Угры на время переговоров прекратились. Иван III полностью владел ситуацией.

26 октября река покрылась льдом. Теперь войска хана могли переправиться через Угру в любом месте, а русские войска, защищавшие броды, были растянуты на десятки вёрст и не смогли бы оказать серьёзного сопротивления ханским ордам.

Но в это время получено известие о приближении удельных князей с полками. Иван III, не зная истинных намерений своих мятежных братьев и не доверяя им полностью, вызывает к себе с Угры сына Ивана и брата Андрея с верными полками.

Между родственниками начались переговоры, великий князь пошел на некоторые уступки своим братьям, но добился в итоге очевидных политических выгод и укрепил свою власть как великого князя.

Узнав о воссоединении русских полков и не имея никаких известий от Казимира, который отбивался от Крымского хана, Ахмат не решился перейти Угру по льду и отвел свои войска на юг.

Это случилось между 6 и 10 ноября, и чем сильнее становились русские морозы, тем быстрее было бегство хана в свои зимние кочевья.

Однако сын Ахмата, Муртоза, решил не бросать богатую добычу и предпринял набег на русские земли в районе Алексина. Видя в этом набеге опасность и для Москвы, Иван III послал войска к Алексину.

Узнав об этом от пленников, Муртоза, не дожидаясь столкновений, поспешил скрыться в степи, где соединился с остальной Ордой.

Тем временем русские полки по-прежнему ожидали нападения, однако Ахмат-хан так и не решился вторгнуться в московские пределы.

Бои на Угре продолжались четыре дня. Броды на реке были неширокими, что помешало хану ввести в дело большие массы конницы. Противники осыпали друг друга стрелами. Русские палили также из пушек и пищалей.

Русские полки возглавлял наследник Иван Молодой. Фактически же военными действиями руководили опытные воеводы князья Холмский, Оболенский, Ряполовский. Столкновения на Угре могли привести к кровопролитному сражению.

Но Иван III и его воеводы не искали такого сражения. В ставку к Ахмат-хану выехал сын боярский Иван Товарков-Пушкин. Хан отказался принять от гонца дары – «тешь великую» – и потребовал, чтобы Иван III сам явился к нему с повинной и был «у царева стремени».

Дипломатический демарш был уловкой со стороны Ивана III. Ему нужно было перемирие с татарами, хотя бы временное, и он достиг своей цели.

Хан не принял его дары, но согласился вести переговоры, для чего отпустил в Кременец своего гонца. Гонец вернулся ни с чем. Иван III отклонил требования Ахмат-хана, равнозначные возрождению власти Орды над Русью.

Тогда хан отправил в Кременец новое предложение. Пусть великий князь пришлет ему для переговоров своего советника Никифора Басенкова, не раз ездившего в Орду. Но даже и на это предложение Иван III не мог согласиться.

Обмен гонцами привел к прекращению боевых действий на Угре. Едва начались переговоры, Ахмат-хан отошел от переправ и остановился в двух верстах от берега.

Иван III мог торжествовать. Его затея увенчалась успехом. Хан стоял на Угре «десять ден», из них шесть он потратил на заведомо бесплодные и никчемные переговоры.

Русские полки обороняли Угру, пока в том была необходимость. С Дмитриева дня (26 октября) зима вступила в свои права, ударили сильные морозы и все реки замерзли.

Угра покрылась ледяным панцирем. Теперь татары могли перейти реку в любом месте и прорвать боевые порядки русской армии, растянувшиеся на десятки верст. В таких условиях воеводы отступили с Уфы к Кременцу. Теперь вся русская армия была собрана в одни кулак.

С наступлением морозов и началом ледостава в Кременце стало известно о приближении удельных полков. Братья имели при себе сильные полки, тогда как великий князь стоял в Кременце «с малыми людьми».

Ивану III нельзя было медлить, и он вызвал с Угры сына Ивана с верными полками. Возникла возможность завершить переговоры о прекращении внутренней войны в стране.

Иван III уступил домогательствам братьев и объявил о передаче им нескольких крепостей с уездами. Смута, подтачивающая силы России изнутри в течение девяти месяцев, завершилась без кровопролития.

Хан боялся затевать сражение с русскими, не имея помощи от короля. Но уже в октябре стало ясно, что Казимир не намерен выполнять своих союзнических обязательств из-за вероломства Ахмат-хана, разграбившего литовскую «украину».

Помимо всего прочего, орда была утомлена длительной войной. Наступление морозов заставило ордынцев спешить с возвращением в свои зимние кочевья.

В начале ноября Ахмат-хан отдал приказ об отступлении. Его сын, двигаясь на восток, разорил несколько русских волостей под Алексином.

Встревоженный Иван III немедленно направил в Алексин своих воевод. Уклонившись от встречи с ними, татарский царевич бежал в степи.

Из Кременца Иван III со всей армией перешел в Боровск. Некоторые историки считают, что Иван III совершил искусный военный маневр, надежно прикрыв подступы к Москве.

Однако к моменту перехода Ивана III в Боровск отпала надобность в каких бы то ни было маневрах. Король Казимир так и не собрался на войну, а Орда исчезла в степях. Ахмат-хан после отступления распустил свои войска на зимовку, за что и поплатился головой.

Его соперники, ногайские князья, воспользовались оплошностью, исподтишка напали на ханскую «вежу» и убили Ахмат-хана.

Рассказывая о великом стоянии на Угре, нельзя не сказать и вот еще о чем. Тяжелым выдался для Руси 1480 год. Против власти московского князя Ивана III восстали его родные братья. На псковские земли вторглись ливонские рыцари. Польский король Казимир и татарский хан Ахмат заключили между собой военный союз и стали готовиться к походу на Русь.

Погибель Руси казалась неотвратимой. Тогда с надеждой обратились православные к извечной Заступнице и Защитнице своей, Пресвятой Богородице.

Митрополит Вассиан денно и нощно служил молебны у Владимирской иконы Божией Матери. Она не оставила Русь, и чудо произошло.

Отборные ливонские войска не смогли взять Псков, князья Андрей и Борис, испросив у государя прощения, выступили против Ахмата, а Казимир, напуганный народным сочувствием к Руси в подвластных ему киевских и смоленских землях, не поддержал татар.

Русские и татары в последний раз встретились на реке Угре, прозванной «поясом Богородицы». Великое стояние продолжалось несколько месяцев.

Ахмат ждал ледового пути. Иван III отступил на более выгодные для большого сражения позиции. Татары, увидев противоположный берег пустым, неожиданно испугались и, решив, что их заманивают в засаду, бежали, объятые страхом.

Василий III (1479–1533)

Великий князь московский в 1505–1533, сын Ивана III Великого и Софии Палеолог, отец Ивана IV Грозного. Продолжал политику своего великого родителя по собиранию русского государства.

Семейные тайны

В августе 1525 года великий князь Василий III отправился с женой в небольшое путешествие по Подмосковью. Стояли погожие дни, и солнце вечерними зорями, словно прощаясь, подолгу ласкало землю длинными косыми лучами.

Прозрачная даль полей, слегка тронутая багрянцем опушка ближнего леса, звенящая синева небес, – все это навевало светлую грусть.

О чем говорили супруги посреди этого печального великолепия наступающей осени? Этого мы не узнаем никогда. Тайна сия навеки осталась только их тайной…

А поговорить им было чем, поскольку эта была их прощальная поездка. Причиной развода явилось отсутствие детей. Тщетно несчастная женщина употребляла все средства, которые ей предписывались знахарями и знахарками того времени.

Василия тяжело переживал неплодие жены. Однажды, говорит летописец, великий князь, увидав на дереве птичье гнездо, залился слезами и горько жаловаться на свою судьбу. И именно тогда Василий произнес свою знаменитую фразу о том, что он из-за отсутствия детей не похож ни на птиц небесных, ни на землю, ни на воды.

Отсутствие у великого князя наследника было проблемой не только великокняжеской семьи, но и всей страны, которой его отсутствие грозило новыми схватками за власть. Чего крепко впитавший идеи своего великого отца Василий не мог допустить.

В отсутствие наследников великому князю наследовали его братья, а этого Василий боялся больше всего на свете. И не потому, что ревновал. Нет! Эти люди не были созданы для дел государственных. Слишком мелки, завистливы и себялюбивы. И когда в одной из бесед с боярами он в отчаянии воскликнул:

– Кто после меня будет царствовать на Русской земле? Братья? Так они и в своих уделах не справляются! – один из бояр ответил:

– Государь! Неплодную смоковницу посекают!

Вполне возможно, что близкие к велкому князю бояре и на самом деле беспокоились о будущем государства, которое могло достаться князю, не умевшему распорядиться даже своим малым уделом.

Но нет никакого сомнения, что точно так же думали они и о себе, поскольку не любивший старшего брата князь Юрий в случае своего прихода к власти в считанные минуты избавился бы от них.

Но как бы там ни было на самом деле, слово было сказано, и Василий заговорил о разводе.

Но развестись оказалось не так-то просто. Развод был нарушением церковных законов, и против него выступили бояре и братья Василия, мечтавшие после его смерти захватить московский престол.

Однако митрополит, который, по словам одного из историков церкви, был «усердным политическим сподвижником-оппортунистом великого князя», был на стороне Василия.

«Угодничество митрополита Даниила великому князю, – писал известный историк церкви А.В. Карташев, – особенно ярко проявилось в случае, когда митрополит оказался не просто изменником своему слову, но прямым нарушителем церковных правил. Это – в деле

незаконного развода великого князя Василия Ивановича с его неплодной супругой Соломонией Юрьевной Сабуровой. Великий князь прожил с ней 20 лет и не имел от нее детей, не имел наследника сына, которому он спокойно передал бы свою власть, не воскрешая смуты из-за старых порядков престолонаследия. Но политическая скорбь великого князя с церковной точки зрения не была основанием к разводу.

Перед возможностью учинить беззаконие, митрополит сделал попытку сложить вину на чужую совесть. Он посылал за получением разрешения развода великого князя с неплодной женой к восточным патриархам и афонским старцам. Ответ был получен с Востока отрицательный.

Тогда Даниил отыскал в Библии фразу, оправдывающую развод: «Смоковница, не приносящая плода, должна быть выброшена из сада» и благословил великого князя на брак».

В столь щекотливой ситуации Соломония повела себя так, как, наверное, повела бы себя и любая женщина и всеми силами противилась разводу.

Однако Василий был непреклонен. Великому князю было за сорок, по тем временам он считался стариком, и ему надо было думать не только о себе, но и о государстве.

И как знать, не тем ли самым тихим августовским вечером он объявил свое окончательное решение. Резать по живому всегда больно, но… что еще оставалось Василию? Он резал и в октябре отправился «в объезд» уже один…

«Сказка про немощь великой княгини Соломониды…» Именно так был назван документ, состряпанный в великокняжеской канцелярии в результате следствия о «неплодстве».

В этой «Сказке» супруга Василия обвинялась не только в бесплодии, но и в колдовстве. Для этого хватило показаний какой-то рязанской женки, которая «призналась в том, что давала Соломонии «наговорную воду», чтобы ею обрызгать себя и платье великого князя.

Проводившие расследование дьяки повернули дело так, будто Соломония хотела наложить на князя порчу. Не пожалел родную сестру и брат Соломонии – Иван Сабуров.

– Да, – заявил он, – я привел Стефаниду к великой княгине, и та воду наговаривала и смачивала ею великую княгиню. Потом она сказала мне, что у великой княгини детей не будет…

Эти слова решили судьбу несчастной Соломонии. Немецкий дипломат Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России в 1517 и 1526 годах, в своей книге «Записки о московских делах» описал пострижение бывшей великой княгини в монахини.

По его словам, княгиня срывала монашеский куколь, топтала его ногами, протестовала против творимого над нею насилия, обвиняла мужа в неверности, а людей в жестокости и несправедливости. Чтобы заставить ее замолчать, боярин Иван Юрьевич Поджогин ударил ее плетью.

– Как ты смеешь? – вскрикнула Соломония.

– Волею великого князя! – ответил боярин.

Этот ответ сломил мужество Соломонии, она заплакала и позволила надеть на себя монашеское одеяние. А затем случилось ужасное. Несчастная женщина прокляла Василия, его жену и их будущих детей.

Что там говорить, это был поступок! Родовое проклятие являлось одним из самых страшных наказаний, поскольку (если верить колдунам) являлось внедрённой извне программой уничтожения.

Эта программа постепенно разрушала человека и передавалась до тех пор, пока не достигало своей главной цели – уничтожения всех членов рода.

Признаками проклятия являлись потомственный алкоголизм, детская смертность по роду, смерть нескольких жён (мужей) подряд, неизлечимые заболевания и постоянные проблемы.

Конечно, у многих все эти россказни могут вызвать только улыбку. Хотя ничего особо веселого здесь нет, и если тот же Вольф Мессинг мог лечить, то почему он не мог и калечить? А если мы вспомним, как в самом конце XX века «просвещенные» москвичи покупали по три рубля стоившую две копейки заряженную очередным явившимся народу чародеем газету, то стоит ли удивляться тому, во что верили пятьсот лет назад.

Колдунов, знахарей и ведьм на Руси тогда было предостаточно. Да и психология опять же. Взять того же Ивана Грозного. Конечно, он знал о проклятии его рода и любую неудачу мог приписать именно ему. Оснований для этого у него хватало, и чего только стоили его умиравшие одна за другой его жены.

Итак, участь несчастной Соломонии была решена. Однако многие бояре и церковники сочувствовали Соломонии, поскольку ходили слухи, что обвинение было несправедливым, что Соломония ждала ребенка и родила сына в монастыре, который вскоре умер.

Развелся же великий князь с Соломонией не по причине ее бесплодства. К этому времени он встретил Елену Глинскую и настолько увлекся ею, что был готов на все.

Боярин Берсень-Беклемишев даже пытался встать на ее защиту, но Василий примерно наказал его, сослав в монастырь.

Поскольку в Москве многие поддерживали Соломонию, Василий III отправил ее подальше от Москвы – в суздальский Покровский монастырь.

Менее чем через два месяца Василий III сыграл свадьбу с Еленой Глинской, которой только исполнилось 16 лет. Князю было уже 42 года, чтобы понравиться молодой жене и выглядеть самому моложе, Василий, отступив от обычаев старины, даже сбрил бороду!

Даже сейчас многие историки считают, что встреча Василия III и совершенно безродной Елены Глинской была подстроена. Либо своими, либо «чужими». Под «своими» подразумевались бояре из ближнего окружения великого князя.

Если бы Василий ушел бездетным, ему наследовал бы его брат, что означало неизбежные в таком случае перестановки и потери.

Но могло быть и так, что в «знакомстве» великого князя с Еленой были замешаны и чужие. И в таком случае ниточки могли тянуться в Рим.

Несмотря на неудачи со времен Александра Невского, Папа не терял надежды сделать Русь католической. А если вспомнить, что рядом с Глинской стоял уже принимавший в свое время католичество и хорошо известный в Риме Михаил Глинский, то ничего невозможного в этом предприятии не было.

Надо было ли уговаривать саму Елену? Тоже вряд ли. Как и всякая женщина из знатного рода, она мечтала о славе и богатстве. И о богатстве больше, так как после бегства из Литвы ее род влачил в Москве незавидное существование.

Елена рано осталась сиротой и росла под опекой своего дяди Михаила, который сидел в тюрьме и вряд ли мог обеспечить ей достойное содержание.

О ее мечтах говорил и тот факт, что она отказывала сватавшимся к ней представителям самых знатных московских фамилий. И если бы это было не так, то вряд ли бы молодая и очень красивая девушка пошла бы замуж за старика, который был старше ее на тридцать с лишним лет.

Помимо жажды богатства и знатности, в ней текла горячая кровь известных на всю Европу авантюристов. И чего только в этом плане значил ее дядя Михаил, о котором мы уже рассказали выше.

Сложно сказать, как именно он готовил свою племянницу к замужеству с Василием, будучи в неволе, но и по сей день существует версия, что он организовал женитьбу Василия на своей племяннице и отправил в монахини законную супругу великого князя.

Да и сама мысль о том, что она могла стать великой княгиней, не могла не кружить молодой красавице голову. Разница в годах с будущим мужем?

Так это чепуха! Если и умрет, не страшно! Мать наследника русского престола никогда в накладе не останется! А в том, что она таковой станет, Елена не сомневалась. Если бесплоден сам великий князь? Да тоже не беда, с ее умом и изобретательностью она всегда найдет нужный выход…

И если встреча Елены с Василием была на самом деле подстроена, ее режиссеры не ошиблись: Василий влюбился с первого взгляда и сразу же заговорил о разводе.

Прошло несколько месяцев, и по Москве пошли слухи, что Соломония в монастыре родила Василию III наследника престола, царевича Георгия. Глинские были в ярости, Василию также не понравились эти слухи.

Затем случилось нечто странное. 18 сентября 1526 года великий князь пожаловал старицу Софью селом Вышеславским со всеми относившимися к нему деревнями. Такой дар выглядел весьма странно, особенно если учесть, что Василий был женат.

На этом странности не кончились, и в 1527 году Василий приказал воздвигнуть у Спасских ворот Московского Кремля церковь святого мученика Георгия. Елена насторожилась еще больше. Почему? Да по той простой причине, что сына несчастной Соломонии звали Григорием.

Трудно сказать, чем руководствовался сам Василий, одаривая свою бывшую супругу и возводя часовню, названную именем сына. Хотел смягчить проклятье?

С другой стороны, Василий был весьма озадачен слухами. Появление сына у Соломонии ставило под сомнение законность его второго брака, и по существующим церковным нормам Василий становился преступником. Он отправил в Суздаль дьяков с наказом выяснить, насколько слухи соответствуют действительности.

Дьяки ничего не выяснили, Соломония отказалась показать им своего ребенка, мотивируя это, скорее всего, тем, что они недостойны чести видеть сына великой княгини, который вскоре может занять престол и отомстить за обиды матери.

Тогда Василий отправил в Суздаль более представительную делегацию из духовенства и ближайших бояр. По сути дела эта была уже не делегация, а самая настоящая следственная комиссия, и главной ее задачей было не столько расследовать это дело, сколько его замять.

У тех, кого Василий послал в Суздаль, был только один способ замять скандальное дело – убить ребенка. Соломония прекрасно понимала, что грозит ее сыну, и ловко инсценировала его смерть, захоронив вместо сына тряпичную куклу.

Успокоенная комиссия вернулась в Москву и сообщила обрадованному Василию о смерти ребенка. Соломонию оставили в покое. Но если верить легенде, то ее сын воспитывался у верных ей людей, недовольных разводом великого князя. Возможно, в дальнейшем его предполагалось использовать в борьбе за власть, как законного наследника московского престола.

В 1934 году директор Суздальского музея А. Д. Варганов производил археологические раскопки в подклете Покровского собора Покровского монастыря.

В ходе раскопок была обнаружена небольшая безымянная гробница, находившаяся между гробницами некоей «старицы Александры», умершей в 1525 г., и «старицы Софии», умершей в 1542 г.

Вместо скелета там лежала полуистлевшая от времени деревянная кукла, одетая в шелковую мальчишескую рубашечку, какие в 16 в. носили дети царского рода.

Был ли сын у Соломонии? Это осталось неизвестным. Некоторые историки убеждены, что был. Археолог и историк граф С.Д.Шереметьев считал, что Соломония спрятала сына у надежных людей, так как понимала, что его не оставят в живых.

После смерти Елены Глинской к власти пришли князья Шуйские, пренебрежительно обращавшиеся с малолетним Иваном IV. Казалось бы, вот удобный случай для появления на политической арене царевича Георгия. Однако, ничего подобного не произошло. И все же в этой истории остается много тайного.

Если Георгия не было, то почему Иван IV, уже твердо утвердившийся на престоле, затребовал к себе все архивные документы следствия о «неплодии» Соломонии? И куда затем эти документы исчезли?

Некоторые историки считают, что Иван Грозный всю жизнь искал сына Соломонии Георгия. Известно, что Иван IV совершил разорительные походы на Тверь и Новгород Великий. По его приказу там совершались массовые истребления мужчин.

Есть предположения, что Иван Грозный получал донесения о том, что в этих городах скрывался Георгий, и пытался его уничтожить.

Имя Георгия в народе связано с легендарным разбойником Кудеяром, героем многих песен и легенд, русским Робином Гудом. По одному из преданий, Кудеяр разбойничал в лесах между Суздалем и Шуей. Здесь в вотчинах князей Шуйских Кудеяр мог в молодости скрываться от гнева Глинских. Но это всего лишь предположения, не подкрепленные никакими документами.

Существовал ли он на самом деле, или это только вымысел? Об этом никто не знает и вряд ли узнает. Сейчас в подклете монастырского Покровского собора, среди многочисленных древних гробниц совершаются богослужения – здесь вновь храм, как в древние времена. мощи Св. Софии перенесены в основной храм, а безымянную маленькую гробницу больше никто не тревожит.

Как брали Псков

Даже сегодня некоторые историки рассматривают присоединение Пскова к Московскому государству как добровольное, а не принудительное.

А теперь давайте посмотрим, как это добровольное присоединение выглядело на самом деле. В начале XVI века Псков представлял собой развитый в культурном, политическом и экономическом отношениях город-государство, связанный с другими русскими землями тысячью нитей.

Во все времена Псков оставался органической частью Русской земли, поддерживая спасительный в условиях постоянной иностранной угрозы союз с другими русскими областями.

Именно из Москвы приглашались в Псков князья-наместники, присутствие которых в городе было равнозначно заключению военно-политического союза с собирательницей русских земель.

Однако самостоятельное политическое бытие Пскова не могло продолжаться вечно, так как XV–XVI столетия в Европе стали эпохой образования централизованных государств, в рамках которых вольным городам было легче защищать свои экономические интересы.

Еслит же говорить откровенно, то, конечно же, московские великие князья всегда мечтали о присоединении Пскова к Москве. Так уже Иван III начал потихоньку приучал Псков к холопскому повиновению, но не уничтожал признаков старинного свободного порядка.

По примеру родителя, назначавшего в Псков наместников и не принимавшего от псковичей жалоб на этих наместников, Василий III в 1508 году назначил псковским наместником князя Ивана Михайловича Оболенского.

Такой выбор был сделан не случайно. Оболенский был известен своим несговорчивым и скандальным характером, и великий князь очень надеялся на то, именно стычки с наместником позволят ему «вступиться» за него и уничтожить псковскую вечевую старину.

Оболенский оправдал оказанное ему высокое доверие и с первых же дней пребывания в Пскове стал судить и распоряжаться без воли веча и рассылал по волостям своих людей, которые грабили и притесняли жителей.

Венцом его деятельности явился его донос великому князю на псковичей донос, в котором он сообщал, что они «держат его нечестно, вступаются в доходы и пошлины, принадлежащие наместнику, и наносят бесчестие его людям».

На первый раз великий князь отправил к псковичам послание, в котором просил их больше ничего подобного не делать.

В сентябре 1509 года Василий Иванович отправился в Новгород и повел за собою значительный отряд войска, состоявшего из детей боярских.

Псковичи, услышавши об этом, стали побаиваться, догадываясь, что государь замыслил что-то против них. Они отправили к нему послов с челобитною.

В ней они благодарили великого князя за то, что он жалует их и держит по старине, а потом просили защиты от наместника и от его людей, которые причиняли псковичам обиды.

Государь через бояр отвечал: «Мы хотим держать нашу отчину Псков, как и прежде, по старине, и оборонять ее отовсюду, как нам Бог поможет; а что вы били челом на вашего наместника и на его людей, будто он у вас сидит не по старине и делает вам насильства, так и наш наместник прислал нам бить челом на вас в том, что вы ему творите бесчестье и вступаетесь в его суды и пошлины. Я посылаю своего окольничего и дьяка во Псков выслушать и его и вас и управить вас с нашим наместником».

Присланные великим князем лица в Псков, по возвращении в Новгород, донесли государю, что, несмотря на все усилия, так4 и не смогли примирить наместника с псковичами.

За ними прибыли в Новгород новые псковские послы и били челом избавить их от наместника.

Великий князь приказал через бояр сказать такой ответ псковичам: «Жалуя свою отчину Псков, мы велим быть перед вами нашему наместнику, а Псков пусть пришлет к нам людей, которые жалуются на обиды от наместника; мы выслушаем и наместника и обидных людей и учиним управу. Когда мы увидим, что на него будет много челобитчиков, тогда обвиним его перед вами».

Псковичи оповестили по всем десяти псковским пригородам, чтобы собирались все, кто только может в чем-нибудь пожаловаться на наместника и его людей.

Этим воспользовались и те, кто ссорился не с наместником, а между собой, и отправились к великому князю с жалобами друг на друга.

Каждый день прибывало их больше и больше в Новгород: великий князь не выслушивал из них никого, а говорил им через своих бояр:

– Копитесь, копитесь, жалобные люди, придет Крещение Господне и я всем дам управу!

Псковичи ждали Крещения и писали на свою землю, чтобы как можно больше приезжало челобитчиков с жалобами на наместника. Но когда к велиокму князю приехал сам насместник, тот поверил именно его докладу.

На Крещение великий князь приказал всем псковичам быть на водоосвящении. Когда после обряда духовенство направилоьс к Святой Софии, великокняжеский глашатай кричал псковичам:

– Псковские посадники, бояре и все жалобные люди! Велел вам государь собраться на владычный двор. Сегодня государь даст управу всем!

Посадники, бояре, купцы и лучшие люди, вошли во владычную палату, а так простой люд встал во владычном дворе. Собравшихся во дворе людей поименно переписали и отправили по домам.

В это же самое время во владычной палате появились бояре и дъяки. От имени великого князя они объявили собравшимся в ней, что в то самое время, когда они бьют челом на

наместника, другие псковичи бьют челом на посадников, бояр и земских судей и жалуются, что от них людям нет никакой управы.

Поэтому, продолжал глашатай, следовало бы наложить на них великую опалу, однако государь хочет показать им свою милость и жалованье.

– Если вы, – продолжал глашатай, – сотворите государеву волю и снимете вечевой колокол, то великий князь рассудит вас и наместника. Если же вы не учините государевой воли, то государь будет свое дело делать, как ему Бог поможет, и кровь христианская взыщется на тех, которые презирают государево жалованье и не творят государевой воли!

Иными словами псковичам предлагалось покончить со своей независимостью и перейти под юрисдикцию великого князя. Однако по сути дела пленникам не оставалось ничего другого, как только благодарить великого князя московского за такую милость, и они в первый раз назвали себя государевыми холопами.

Их заставили еще написать от себя в Псков убеждение исполнить государеву волю. В заключение они поцеловали крест на верность государю и были допущены к великому князю. Василий Иванович принял их ласково и пригласил на обед.

Их отпустили свободно в свои помещения, но не велели выезжать из Новгорода до конца дела. Пожертвовав свободой своей земли, они надеялись, что не потеряют своей личной свободы, и думали, что их благополучно отпустят восвояси.

В Пскове быстро узнали о случившимся. Какой-то псковский купец ехал с товаром в Новгород узнал о случившемся с его земляками, бросил свой товар и вернулся в Псков. Там он стал бегать по улицам города и громко кричать:

– Великий князь переловил наших земляков в Новгороде!

Началась тревога. Зазвонили на вече, и смельчаки кричали:

– Ставьте щит против государя! Запрем город!

Но благоразумные останавливали, объясняя свои действия тем, что вся братия, посадники, бояре и все лучшие люди находились у Василия в руках.

В это время в город приехал посланец от задержанных псковичей и привез просьбу не противиться и не доводить до кровопролития. После многих толков умереные взяли верх, и в Новгород был отправлен гонец.

– Мы не противны тебе, государь! – заявил он Василию, – Бог волен и ты, государь, над нами, своими людишками!

12 января 1510 года приехал в Псков дьяк Третьяк Далматов. Зазвонили на вече. Дьяк взошел на ступени веча и сообщил, что государь приказал снять вечевой колокол. В противном случае он обещал наказать всех тех, кто не подчинится его воле.

Передав псковичам государево послание, дьяк сел на ступени веча. Псковичи отвечали, что дадут ответ завтра.

На другой день опять зазвонили на вече, теперь уже в последний раз. Третьяк взошел на ступени. Посадник от имени всех псковичей сказал:

– У нас в летописях записано такое крестное целование с прародителями великого князя. Псковичам от московского государя не отходить ни к Литве, ни к Польше, ни к немцам, никуда, а иначе будет на нас гнев Божий, и глад, и огнь, и потоп и нашествие неверных. А а если государь не станет хранить крестного целования, то и на него тот же обет, что на нас. Теперь Бог и государь вольны над Псковом и над нашим колоколом, мы не изменили крестному целованию!

Дьяк ничего не ответил и приказал спустить вечевой колокол, который тотчас увезли к государю в Новгород.

Сам Василий приехал в Псков с вооруженной силой, не доверяя покорности псковичей. 27 января он созвал так называемых лучших людей в «гридню» (место сбора дружины), а простой народ на двор.

Боярам объявили первым, что государь их жалует, не вступается в их имущества, но так как были государю жалобы на их неправды и обиды, то им жить в Пскове не пригоже: государь их жалует на Московской земле и им следует тотчас ехать в Москву со своими семействами.

Простому народу объявили, что его оставят на месте прежнего жительства под управлением великокняжеских наместников, которым псковичи должны повиноваться.

Около трехсот семейств было отправлено в Москву, причем, дали на сборы только один день. Отправлены были также жены и дети тех псковичей, которые прежде были задержаны в Новгороде.

Хотя великий князь и объявил, что он не вступается в их достояние, но дело у него расходилось с обещанием: изгнанники потеряли свои дворы, свои земли, все было роздано московским людям, которых Василий Иванович перевел в Псков вместо сосланных, а последних водворили на Московской земле и частью в самой Москве. Но он не тронул, подобно своему отцу, церковных имений.

Московское управление казалось невыносимым для псковичей, пока они с ним не свыклись. Наместники и дьяки судили их несправедливо, обирали их без зазрения совести, а кто осмеливался жаловаться и ссылаться на уставную великокняжескую грамоту, того убивали.

Иноземцы, жившие прежде в Пскове, удалились оттуда. Многие из псковичей, не в силах более сжиться с московским порядком вещей, разбегались или постригались в монастырях. Торговля и промыслы упали.

Псковичи пришли в нищету, только переселенцы из московской земли, которым наместники и дьяки покровительствовали, казались несколько зажиточными. На обиду от москвича негде было псковичу найти управы: при московских судьях, говорит летописец, правда улетела на небо, а кривда осталась на суде.

Впрочем, и правители Пскова поневоле работали не для себя, а для великого князя. Был в Пскове, после уничтожения вечевого устройства, в течение семнадцати лет дьяк Михаил Мунехин, и, когда умер, государь захватил его имущество и начал разыскивать, что кому он был должен при жизни; его родные и приятели по этому поводу подвергались пыткам.

После него, говорит летописец, «было много дьяков, и ни один по-здорову не выезжал из Пскова; каждый доносил на другого; дьяки были мудры, казна великого князя размножалась, а земля пустела».

Черты эти не были принадлежностью одного Пскова, но составляли характер московского строя, в Пскове же казались более, чем где-нибудь, поразительными, по несходству старых нравов и воззрений с московскими.

Современник Герберштейн замечает, что прежние гуманные и общительные нравы псковичей, с их искренностью, простотой, чистосердечием, стали заменяться грубыми и развращенными нравами.

Так шло объединение русской земли…

Конец последнего удельного князя

С точки зрения свирепости Василию III было далеко как до его отца Ивана, которого первым называли Грозным, так и до сына, который под этим именем вошел в истории.

Но добреньким он не был. И чего только стоит история о том, как он покончил с последним удельным северским князем Василием Шемячичем, внуком уже печально известного нам Дмитрия Шемяки.

Ко всему прочему он был сыном Ивана Димитриевича Шемякина, бежавшего в 1453 году в Литву от мщения великого князя Московского.

Время и место рождения его неизвестны. В Литве он владел городами Рыльском, Новгород-Северском и некоторыми другими землями, пожалованными королем Сигизмундом его отцу в наследственное владение.

Наиболее важными моментами его жизни следует считать участие в русско-литовских интригах того времени. Получая от Сигизмунда земли, удельные князья, бежавшие от московского владычества, теряли самостотоятельность.

«После смерти, – говорилось в данной ими королю присяге, – нам и нашим детям служить тому, кто будет на литовском престоле; если после нас не будет потомков, то нашей земле от великих княжеств литовских не отступаться».

В числе условий, разрешавших князей от присяги, были пункты, дававшие возможность служебным князьям весьма часто менять своего господина, именно: отказ великого князя защищать служебных князей от обидчика, неоказание чести и милости.

Такое положение вело к тому, что литовское и московское правительства по очереди принимали перебежчиков с землями, и этим вызывались постоянные ссоры.

К концу XV-го столетия закончилось присоединение северо-восточных уделов к Москве, и Иван III обратил внимание на запад, желая возвратить русские земли, присоединенные к Литве в XIV-м столетии во время княжеских междоусобий.

Пограничные князья могли оказать ему значительную помощь и потому, задумав войну, Иван послал к ним тайные предложения перейти с владениями на его сторону, за что предлагал им в награду свои города и все завоеванные литовские земли, обещая не вступаться в последние, а только «беречь» их.

Такое тайное послание получил и В. И. Шемячич. Переходя на сторону Москвы, Северские князья делались владетельными и приобретали сильного защитника в лице Московского князя.

В официальных переговорах Москвы с Литвой переход Северских князей Шемячича и Можайского в московское подданство мотивировался гонениями за православную веру, которые они терпели в Литве.

По уговору Московский князь послал во владения Шемячича свои войска. Шемячич явился к ним, и уже после этого Иван отправил сказать великому князю Литовскому, чтобы он не вступался более в отчину Шемячича, так как последний переходит на московскую службу.

Литовцы не хотели отказаться от отчин князей, перешедших на сторону Москвы, и вели долгие переговоры, не признавая переход законным.

Не зная, как удержать пограничных князей, Литовский великий князь не терял надежды вернуть их себе. Он слал к ним своих агентов и действовал с помощью Крымского хана.

В одном из своих посланий он просил передать Шемячичу, что если он перейдет в литовскую службу, то король даст ему еще более того, что у него есть теперь, особенно по завоевании Москвы.

Московские князья хорошо знали литовские интриги и, как могли, удерживали князей. Они окружали их шпионами, старались возбудить их патриотизм, поощряли их вражду к пограничным литовским князьям и поддерживали их войны.

Чаще всего они добивались своего, и тот же князь Шемячич оказал большое содействие Москве в завоеваниях литовских земель. Более того, с времени присяги Московскому государю в 1500-м году он беспрерывно воевал против Литвы.

Когда Василии III возобновил войну с Литвой, Шемячичу велено было идти на помощь Глинскому, перешедшему на сторону Василия III и ожесточенно мстившему королю Сигизмунду за личные обиды.

Войска Глинского и Шемячича стояли две недели под Минском в ожидании помощи от великого князя, но получили приказание идти осаждать Оршу. По дороге они взяли Друцк и

под Оршей соединились с князем Щеней, пришедшим с новгородской ратью. Ссоры московских воевод помешали взятию Орши, и с приближением короля русские войска отступили.

Поручив Шемячичу и Стародубскому оберегать окраины, Василий III заключил с королем Сигизмундом в 1508-м году мир, по которому утверждались за Россией ее завоевания и земли перебежчиков.

В 1511 году снова началась война, и Северские князья воевали не только с Литвой, но и с татарами, нападавшими по соглашению с королем на южные русские пределы.

В 1518 году несколько отрядов крымских татар напало на Путивльские земли, но были разбиты Шемячичем, за что последний получил в награду от великого князя Путивль. Тем не менее, несмотря на все значительные услуги, оказанные Северскими князьями Москве, они не пользовались доверием великого князя, помнившего их измены.

Московское правительство, стремившееся создать единое государство, пользовалось всеми способами для уничтожения уделов.

Не давая Северским князьям вести междоусобные войны, князь Московский поощрял их взаимные доносы, которые, в конце концов, и погубили обоих этих князей.

Еще при Иване III Можайский доносил на Шемячича. После его смерти этим неблагородным делом занялся его сын Василий Семенович. Шемячич несколько раз просил позволения у великого князя приехать в Москву оправдаться, но ему отвечали, что не следует этого делать «ради Государского и Земского дела».

В 1510 году Василий Семенович стал хвалиться, что «по его оговору Государь хочет положить опалу на Шемячича». Узнав о пущенной против него клевете, Шемячич просил великого князя прислать ему опасную грамоту, чтобы можно было без боязни приехать в Москву оправдаться.

Василий такую грамоту дал и заверил Шемячича в том, что он как он жаловал обоих князей, так и теперь жалует и нелюбви к ним не имеет.

Шемячич оправдался и снова был отпущен в свои владения. Однако Василий Семенович не успокоился и продолжал свои доносы. В 1517 году он вместе с князем Пронским прислал в Москву двух людей, которые якобы являлись свидетелями сношений Шемячича с Литвой.

Один из них был пленным в Литве и слышал там, что у Альбрехта Немировича, киевского наместника, был гонец от князя Василия Шемячича, который предлагал «королю служить».

Другой, человек Пронского, служивший когда-то Шемячичу и убежавший в Стародуб, показал, что «Шемячич ссылается с королем да с Альбрехтом Немировичем, да и из Литвы у него люди были от короля».

Великий князь послал к Шемячичу Шигону Поджогина и дьяка Ивана Телешева и приказал им сообщить Шемячичу, что он не верит доносам и просит его приехать в Москву «без всякого опаса».

14 августа 1518 года Шемячич приехал в Москву и на Успение обедал у митрополита вместе с великим князем.

Через несколько дней на княжеском дворе присланные Василием бояре допросили его. Шемячич оправдался. Великий князь сказал ему:

– Мы, как прежде нелепым речам не потакали, так и теперь не потакаем, а тебя, слугу своего, как прежде, так и теперь жалуем, и впредь жаловать хотим. Человек, который говорил на тебя нелепые речи, перед тобой головой».

Шемячич просил выдать ему и другого доносчика, однако великий князь ответил, что его выдать нельзя, так как «этот человек был в имении в Литве и слышал о тебе речи в Литве».

Шемячич был отпущен с честью в свое княжество, где спокойно властвовал еще пять лет. В 1523 году его снова позвали в Москву на суд.

Чувствуя неладное, он не хотел ехать, однако митрополит Даниил уверил его своим словом в безопасности, и Шемячич явился к великому князю.

Тот встретил его ласково, но через несколько дней приказал бросить его в темницу по обвинению в сношениях с Литвой. Поговаривали, что причиной ареста князя стало его письмо к киевскому наместнику, где он предлагал службу свою королю Сигизмунду.

Однако очень многие при дворе не верили в это обвинение. Как бы там не было, по улицам Москвы ходил юродивый с метлой и кричал:

– Время очистить государство от последнего сора!

В этих словах слышался призыв избавить великого князя от последнего удельного князя. И этот призыв был услышан, так как юродивые в то время выражали то, что думал народ.

За Шемячича попытался заступиться игумен Троицкий Порфирий. Воспользовавшись приездом великого князя в Троицкий монастырь на храмовой праздник, Порфирий смело сказал ему:

– Если ты приехал в храм Безначальной Троицы просить милости за грехи твои, будь сам милосерд над теми, которых гонишь ты безвинно. А если ты, стыдясь нас, станешь уверять, что они виноваты перед тобой, то отпусти по Христову Слову какие-нибудь малые динарии, если сам желаешь получить от Христа прощение многих талантов!

За эти слова Порфирий был изгнан из монастыря и посажен в тюрьму в оковах. Через некоторое время его выпустили, но сана не вернули.

Что же касается митрополита, то он одобрил поступок великого князя и говорил, что «Бог избавил Государя от запазушного врага».

При этом святой отец почему-то забывал, как сам в своей грамоте к Шемячичу обещал ему полную безопасность.

Василий Иванович Шемячич, последний удельный князь, умер в Москве заключенным в «набережной» палате 10 августа 1529 года. Место погребения его тела неизвестно.

Тайна рождения Ивана

Счастливой преемницей Соломонии стала дочь Василия Львовича Глинского из рода к тому времени уже обедневших земельных магнатов Польско-Литовского королевства.

21 января 1926 года митрополит Даниил венчал Василия Ивановича. Несмотря на широкие гулянья, народ принял княгиню Елену прохладно, а «заволжские старцы» объявили брак блудом».

Более того, народ сочувствовал ссыльной княгине, к которой сразу же началось самое настоящее паломничество. И именно поэтому Василий перевел бывшую супругу в суздальский Покровский монастырь, подальше от глаз людских и их сострадания.

Его увлечение молодой красавицей было настолько сильным, что в угоду ей он сбрил бороду. Что там говорить, это был поступок по тем временам небывалый. Сбрить бороду означало не только потерять святость, но и открыть дорогу всевозможным порокам. Не говоря уже о том, что «скобленое рыло» означало принадлежность к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации.

Что же касается Елены, то она была стройной блондинкой, с точеными ногами и красивой грудью. И ничего удивительного в том, что ее так полюбил начинавший прозревать Василий, не было.

Согласно летописцу, великий князь «возлюбил ее лепоты ради лица и благообразия возраста, наипаче ж целомудрия ради». Оно и понятно, ведь «Елена соединяла в себе такие чары, каких Василий не мог найти ни у одной русской».

Василий жил с молодой женой, что называется, душа в душу. И только одно омрачало его существование: долгожданного наследника так и не было. Положение осложнялась еще и

слухами о том, что у сосланной в Покровский монастырь Соломонии в конце лета 1926 года родился сын.

С приходом Елены даже самым знатным боярам пришлось потесниться, и знать затаила злобу. Ничего другого им не оставалось, поскольку о былой вольнице, когда при малейшем несогласии с государем можно было хлопнуть дверью и «отъехать» к более щедрому и покладистому удельному князю, теперь было можно только вспоминать.

Но надежда оставалась. Шло время, новая жена Василия не беременела, и недоброжелатели Елены уже предвкушали изгнание великой княгини в монастырь.

Но их надеждам не суждено было сбыться, и 25 августа, в день апостолов Варфоломея и Тита, 1530 года Елена подарила Василию наследника.

Великий князь был настолько счастлив, что даже не обратил внимания на страшные предзнаменования, какими было отмечено рождение будущего русского царя.

А они и на самом деле не обещали ничего хорошего. В тот день над Русью прогремела небывалой силы гроза, горели пораженные молнию деревни и две реки вышли из берегов.

А вот затем началось самое интересное. Шло время, а Елена не беременела. Любовь любовью, но отсутствие наследника не могло не тревожить ее, поскольку и ее в любой момент могла ожидать участь несчастной Соломонии.

Сейчас уже никто не скажет: снизошел ли Бог до молитв Елены, помогли ли колдовские чары ее матери или все было намного проще, и Елена, дабы не искушать судьбу, зачала от другого мужчины. Но 25 августа 1530 года у Василия появился долгожданный наследник – будущий царь Иван Васильевич Грозный.

Чьим сыном был Иван Грозный на самом деле? Сия тайна не разгадана и по сей день. Понятно, что сторонники второй версии доказывают, что отцом Грозного был князь Оболенский. И доказательства их выглядят весьма убедительно: в течение многих лет две жены не могли забеременеть от Василия.

Да что там жены! Как говорили современники, Василий испробовал себя на многих женщинах и тоже безуспешно.

Что касается Елены, то дело было даже не в том, что она происходила из рода потомственных авантюристов. Рождение наследника было ее последним козырем в той сложной игре, которую она, по всей видимости, вела, и дабы заполучить его, она пошла бы на все. И не случайно будущего царя многие современники считали сыном «законопреступной жены» и её любовника.

«По юридической терминологии того времени, – писал один из историков, – Иван IV оказывается «выблядком»… и его сохранение в качестве наследника престола может объясняться только компромиссом между боярскими группировками, отложившими решение его судьбы на более позднее время». Называли и имя отца родившегося младенца: фаворит Елены Глинский князь Иван Телепнев-Оболенский…

Но и здесь возникает множество вопросов, и первый из них: каким образом Оболенский, если он был отцом Ивана, смог попасть в постель к великой княгине?

Пройти незамеченным, минуя стражу и всевозможных мамок, нянек и бабок в покои царицы, предаться с ней любви и так же незаметно уйти мог только какой-нибудь д'Артаньян. Тем не менее…

Существует и другая версия рассказанных выше событий, куда более привлекательная для романистов и обывателей. В ее появлении нет ничего удивительного: в истории нет и, наверное, никогда не будет более или менее заметного человека, о котором не ходили бы легенды. Зачастую, весьма удивительные.

Не стали исключением Василий и его жены, тайны интимной жизни которых раскрываются и по сей день. Поскольку наша история на самом деле полна загадок и тайн, надо «выслушать и другую сторону».

Даже сейчас многие историки считают, что встреча Василия III и совершенно безродной Елены Глинской была подстроена. Либо своими, либо «чужими». Под «своими» подразумевались бояре из ближнего окружения великого князя.

Если бы Василий ушел бездетным, ему наследовал бы его брат, что означало неизбежные в таком случае перестановки и потери.

Но могло быть и так, что в «знакомстве» великого князя с Еленой были замешаны и чужие. И в таком случае ниточки могли тянуться в Рим.

Несмотря на неудачи со времен Александра Невского, Папа не терял надежды сделать Русь католической. А если вспомнить, что рядом с Глинской стоял уже принимавший в свое время католичество и хорошо известный в Риме Михаил Глинский, то ничего невозможного в этом предприятии не было.

Надо было ли уговаривать саму Елену? Тоже вряд ли. Как и всякая женщина из знатного рода, она мечтала о славе и богатстве. И о богатстве больше, так как после бегства из Литвы ее род влачил в Москве незавидное существование.

Елена рано осталась сиротой и росла под опекой своего дяди Михаила, который сидел в тюрьме и вряд ли мог обеспечить ей достойное содержание.

О ее мечтах говорил и тот факт, что она отказывала сватавшимся к ней представителям самых знатных московских фамилий. И если бы это было не так, то вряд ли бы молодая и очень красивая девушка пошла бы замуж за старика, который был старше ее на тридцать с лишним лет.

Помимо жажды богатства и знатности, в ней текла горячая кровь известных на всю Европу авантюристов. И чего только в этом плане значил ее дядя Михаил, о котором мы уже рассказали выше.

Сложно сказать, как именно он готовил свою племянницу к замужеству с Василием, будучи в неволе, но и по сей день существует версия, что он организовал женитьбу Василия на своей племяннице и отправил в монахини законную супругу великого князя.

Да и сама мысль о том, что она могла стать великой княгиней, не могла не кружить молодой красавице голову. Разница в годах с будущим мужем?

Так это чепуха! Если и умрет, не страшно! Мать наследника русского престола никогда в накладе не останется! А в том, что она таковой станет, Елена не сомневалась. Если бесплоден сам великий князь? Да тоже не беда, с ее умом и изобретательностью она всегда найдет нужный выход…

И если встреча Елены с Василием была на самом деле подстроена, ее режиссеры не ошиблись: Василий влюбился с первого взгляда и сразу же заговорил о разводе.

А вот затем началось самое интересное. Шло время, а Елена не беременела. Любовь любовью, но отсутствие наследника не могло не тревожить ее, поскольку и ее в любой момент могла ожидать участь несчастной Соломонии.

Сейчас уже никто не скажет: снизошел ли Бог до молитв Елены, помогли ли колдовские чары ее матери или все было намного проще, и Елена, дабы не искушать судьбу, зачала от другого мужчины. Но 25 августа 1530 года у Василия появился долгожданный наследник – будущий царь Иван Васильевич Грозный.

Чьим сыном был Иван Грозный на самом деле? Сия тайна не разгадана и по сей день. Понятно, что сторонники второй версии доказывают, что отцом Грозного был князь Оболенский. И доказательства их выглядят весьма убедительно: в течение многих лет две жены не могли забеременеть от Василия.

Да что там жены! Как говорили современники, Василий испробовал себя на многих женщинах и тоже безуспешно.

Что касается Елены, то дело было даже не в том, что она происходила из рода потомственных авантюристов. Рождение наследника было ее последним козырем в той сложной игре, которую она, по всей видимости, вела, и дабы заполучить его, она пошла бы на все. И не случайно будущего царя многие современники считали сыном «законопреступной жены» и её любовника.

«По юридической терминологии того времени, – писал один из историков, – Иван IV оказывается «выблядком»… и его сохранение в качестве наследника престола может объясняться только компромиссом между боярскими группировками, отложившими решение его судьбы на более позднее время».

Называли и имя отца родившегося младенца: фаворит Елены Глинский князь Иван Телепнев-Оболенский…

Но и здесь возникает множество вопросов, и первый из них: каким образом Оболенский, если он был отцом Ивана, смог попасть в постель к великой княгине?

Пройти незамеченным, минуя стражу и всевозможных мамок, нянек и бабок в покои царицы, предаться с ней любви и так же незаметно уйти мог только какой-нибудь д'Артаньян. Тем не менее…

«Непоправимое, – пишет в своей книге-версии «Тайная любовь княгини» Евгений Сухов, – случилось в тот день, когда Иван Федорович остался дежурить подле спальных покоев государя. Князь приготовился уже к долгому и скучному сидению в сенях и обругал себя за то, что не захватил с собой посох, с помощью которого удобно поучать уснувших в карауле холопов и не слишком расторопных слуг, когда дверь неожиданно распахнулась и на пороге предстала Елена.

Конюшему полагалось склонить голову пониже и просить прощения у государыни, что посмел он нечаянно узреть ее пречистое лицо, но глаза, вопреки рассудку и воле, были нацелены прямо в ее голую шею.

Князь подумал, как, должно быть, выгнется ее шея от страстного поцелуя. Возможно, она будет напоминать лебединую, когда благородная птица, набрав разбег, стремится оторваться от поверхности воды.

Иван Федорович даже не сразу сообразил, что Елена стояла простоволосая и почти неприкрытая, что наготу великой княгини скрывает лишь сорочка, через которую можно было отчетливо различить высокую, волнующую грудь.

– Что же ты своей государыне поклон-то не отдаешь? – с легкой улыбкой укорила Елена Васильевна холопа.

– Прости, государыня, бес меня попутал.

Князь опустил глаза, а потом неистово, как это делает юродивый, чтобы замолить тяжкий грех, отложил зараз двадцать поклонов.

– Поднимись, Иван Федорович. Или ты своих глаз от моих ног оторвать не можешь?

Князь Иван разогнулся.

– Чего прикажешь, государыня?

– Что же можно такому молодцу приказать? – игриво ответствовала великая княгиня. – Пожалуй, только одно – проходи в горницу, князь.

Помешкал Овчина, а потом перекрестился украдкой и зашагал вслед за государыней.

– А Василий Иванович-то чего? – прошептал он чуть слышно, понимая, впрочем, что не устрашит уже его даже грозный государев оклик.

Постельная комната – святое место, куда дозволения вступать имеет только постельничий. Даже дежурный боярин не мог нарушать этого заповедного правила и никогда не проходил

дальше сеней. Это было гнездо всего государства, где великие князья миловались со своими женами и плодили потомство. И тут Иван Федорович увидел государеву постель.

Она была спрятана под высоким светло-зеленым балдахином и, если бы не меховой бархат, напоминала бы походный шатер.

– Я Василию Ивановичу зелья снотворного подсыпала, – призналась государыня, – теперь он до обедни не пробудится. За мной иди, Ваня. Иль боишься? – Ее брови встрепенулись как бы от удивления. – Не думала я, что отважный воевода таким робким может быть.

Воистину ни перед какой сечей Иван так не волновался. Каждый шаг походил на движение по татарской степи – не успеешь увернуться, как голова скатится на землю. А Елена уводила конюшего все далее.

– Чего же ты робеешь, витязь? – всерьез укорила князя государыня. – Иль голую бабу никогда не видел? Иль, может, немощен, как мой разлюбезный муженек? Ежели так, молодец, вот тебе порог!

Иван почувствовал, что княгиня сердится.

– Прости меня, господи, – он попытался отыскать глазами Поклонный крест.

– Не ищи креста, – улыбнулась Елена Васильевна. – Там, где грех, их не бывает, они все в комнате государя остались. Обними меня, молодец, ну, смелее!

Иван Федорович, однако, даже не шевельнулся, стоял, словно пораженный колдовским наговором, и тогда великая княгиня сама страстно прильнула к его груди.

Овчина ушел незаметно, как и пришел. Ничто не изменилось ни назавтра, ни через день. Три часа, проведенные наедине с Еленой, не помешали конюшему смотреть Василию Ивановичу в лицо и называть его великим государем».

Никто не спорит, все могло быть именно так. Елена обратила внимание на статного и красивого воина, и он ей понравился. Тем более, что ей и искать-то не надо было по причине его почти постоянного нахождения в Кремле. Но одно дело нравиться и совсем другое идти на столь рискованный шаг.

А сам великий князь? Неужели он не слышал того, о чем сплетничала вся Москва? Конечно, слышал и… сразу же после рождения царевича Ивана пожаловал Ивану Оболенскому высокий придворный чин конюшего. А это было уже нечто, поскольку конюший возглавлял боярскую думу.

Если отбросить все догадки, то правды мы не узнаем никогда, поскольку истину не мог знать никто, включая самих непосредственных участников этого треугольника.

Даже если Елена и вступила в преступную связь, то это вовсе не означало того, что она не забеременела от мужа. Да и не в этом по большому счету дело.

Я понимаю авторов сенсационных телепрограмм и статей, для которых сенсации являются главным в их работе.

Расчет их безошибочен. Для людей, не имеющих понятия об истинной истории того или иного правителя, тайны его интимной жизни являют первостепенный интерес.

Беда в другом. Елена во всех этих «открытиях» предстает легкомысленной потаскушкой, готовой ради собственного блага на все тяжкие.

Надо переспать с другим мужчиной? Нет проблем. Мешает любви старик-муж? Ну что же, ножичков у нас, как говорил один из героев знаменитого фильма, на всех хватит.

Да что там мужа! В одном телешоу о Глинской она убивает себя сама после того, как ее мать-колдунья приговорила к смерти… сына Ивана!

Ну да Бог с ними, с этими «исследователями». Они делают передачи и пишут статьи для дилетантов, и главное для них – удивить.

Кем была на самом деле Елена Глинская? Ответить на этот вопрос можно. Особенно если вспомнить известное выражение о том, что судить надо по делам. А дел этих самых, надо заметить, хватало. И начались они сразу после похорон Василия III…

Загадка завещания

Умирающий Василий имел много причин беспокоиться о судьбе малолетнего сына: при малютке осталось двое дядей, которые хотя отказались от прав своих на старшинство. Но при первом удобном случае они, могли сослаться на невольную присягу и возобновить старые притязания.

Эти притязания тем более были опасны, что вельможи, что вельможи, потомки князей, тяготились новым порядком вещей, введенным при Василии и отце его.

– Вы бы, братья мои, князь Юрий и князь Андрей, стояли крепко в своем слове, на чем мы крест целовали, – говорил умирающий братьям.

Боярам он счел нужным напомнить о происхождении своем от Владимира киевского и что он и сын его – прирожденные государи.

Для утверждения завещания он пригласил в качестве душеприказчиков своего младшего брата – удельного князя Андрея Старицкого, трех бояр (самого авторитетного из руководителей Боярской думы князя В. Шуйского, ближнего советника М. Юрьева и М. Воронцова) и других советников, не имевших высших думных чинов.

В нарушение традиции великий князь решил ввести в опекунский совет Михаила Глинского, который был чужеземцем в глазах природной русской знати и из двадцати лет, прожитых в России, тринадцать провел в тюрьме как государственный преступник.

Решительность, опыт и энергия Глинского позволяли Василию III надеяться, что он оградит безопасность родной племянницы Елены Глинской. Убеждая советников, Василий III указывал на родство Глинского с великой княгиней, «что ему в родстве по жене его».

Почему Василий позвал «государственного преступника» Глинского? Да только потому, что знал: кто-кто, а этот на самом деле будет стоять до конца, ибо его собственная жизнь зависела от жизни его племянницы.

– Тело свое на раздробление отдай, – сказал Глинскому Василий, – и кровь пролей за сына моего Ивана и за жену мою….

Глинский пообещал и кровь пролить, и тело на раздробление отдать. А вот о чем думал князь в столь трагическую для русского государства минуту, знал только он один. Не думать он не мог, поскольку смерть великого князя открывала перед ним такие широкие горизонты, за которые можно было обещать все, что угодно…

Как это часто случалось в истории, у постели больного шел самый обыкновенный политический торг. Бояре соглашались выполнить волю государя, но настаивали на включении в число опекунов-душеприказчиков своих родственников.

Василий III принял их условия, и Василий Шуйский провел в душеприказчики брата боярина Ивана Шуйского, а Михаил Юрьев – двоюродного дядю боярина Михаила Тучкова.

При этом были еще и те, кто, не входя в опекунский совет, стояли рядом с ним. Среди них выделялся Иван Юрьевич Поджогин по прозвищу Шигона.

Этот ловкий и умный человек по худородству не мог претендовать на высокий думный чин, и, тем не менее, стал одним из самых близких Василию людей.

Впрочем, чего удивительного! Шигона занимался устройством тех самых деликатных дел, о которых было не принято говорить вслух. Поговаривали, будто и прозвище свое этот мастер тайных дел получил за то, что любил жечь пытаемых. Чтобы разговорчивее были. Он часто «работал» по поручению государя с посланниками иностранных владык.

Василий верил этому человеку как себе, и не случайно именно ему было доверено «целовать крест» пред послами за отсутствующего боярина Г. Ф. Давыдова, который ведал внешними сношениями.

Вводя подобных людей в круг своих душеприказчиков, Василий III надеялся с их помощью оградить трон от покушений со стороны могущественной удельно-княжеской аристократии.

Избранные советники должны были управлять страной и опекать великокняжескую семью в течение двенадцати лет, пока наследник не достигнет совершеннолетия.

В опекунский совет, который должен был управлять страной до совершеннолетия Ивана, вошли князь Андрей Старицкий, Михаил Глинский, братья Василий и Иван Шуйские, М. Ю. Захарьин, Михаил Тучков и Михаил Воронцов.

По замыслу великого князя, созданная им в опекунском совете система противовесов должна была сохранить порядок правления страной доверенными людьми и уменьшить распри в аристократической Боярской думе. Да и сам опекунский совет был, по существу, одной из комиссий Боярской думы.

Назначение Шуйских определялось тем, что добрая половина членов думы представляла коренную суздальскую знать. Из старомосковских родов боярский чин имели трое Морозовых, Воронцов и Юрьев-Захарьин. Но они занимали низшее положение по сравнению с княжеской знатью.

Опекунский совет был составлен из авторитетных бояр, представлявших наиболее могущественные аристократические семьи России. Есть и еще один весьма веский аргумент в пользу опекунского совета: совет из узкого круга особенно приближенных к великому князю бояр существовал всегда. И не случайно современники упрекали Василия в том, что он «решает все дела с несколькими ближайшими советниками без совета с Боярской думой».

На последнее прощание Василий пригласил к себе князей Дмитрия Бельского с братьями, князей Шуйских с Горбатыми и «всех бояр».

Терзаемый предсмертными муками, Василий Иванович знал, что наибольшую опасность для наследника представляют его братья.

Еще бы ему не знать! Отношения между ними оставались напряженными почти все время правления Василия, и князь Юрий четверть века ждал своего часа, рассчитывая на то, что Василий умрет бездетным и московский престол достанется ему. Будучи опытным политиком, он слишком хорошо знал, чего стоят сейчас данные ему обещания, и все же просил:

– Вы, братья, – в последний раз обратился великий князь к боярам, – стойте крепко, чтоб мой сын правил государством государь и чтобы была в земле правда. Слушайте князя Михаила! Пусть он человек к нам приезжий, но вы должны держать его за здешняго уроженца, ибо он мне прямой слуга…

«Братья» обещали и хоть как-то успокоили умиравшего великого князя. Отпустив бояр, Василий III оставил у себя Михаила Юрьева-Захарьина и Ивана Шигону и Михаила Глинского. Им он и отдал последние распоряжения, касавшиеся его семейных дел и «великой княгини Елены».

3 декабря 1533 года игумен Троицкий Иоасаф стоял у кровати умирающего великого князя. Неожиданно для священника тот открыл глаза и сказал:

– Отче! Молись за государство, за моего сына и за бедную мать его! У вас я крестил Иоанна, отдал Угоднику Сергию, клал на гроб Святого, поручил вам особенно! Молитесь о младенце государе!

Собрав последние силы, великий князь позвал думных бояр: Шуйских, Воронцова, Тучкова, Глинского, Шигону, Головина и дьяков.

Держась на одной силе воли, он проговорил с ним целых четыре часа о новом правлении и о сношениях бояр с великою княгинею во всех важных делах. И слушавшие его люди с изумлением отмечали удивительную твердость, хладнокровие и заботливость великого князя о судьбе оставляемой им державы.

В восьмом часу к нему пришли братья и стали уговаривать его поесть. Василий покачал головой.

– Смерть предо мною, – сказал он, – хочу благословить сына и проститься с женой… Впрочем, нет, не надо! Им будет тяжело видеть меня… такого…

Однако братья и бояре уговорили его попрощаться с Еленой и Иваном, и князь Андрей и Михаил Глинский пошли за ними. Государь возложил на себя крест Св. Петра Митрополита и хотел прежде видеть сына.

Князь Иван Глинский принес его на руках. Держа крест, Василий сказал младенцу:

– Да будет на тебе милость Божия и на детях твоих! Как Святой Петр благословил сим крестом нашего прародителя, великого князя Иоанна Данииловича, так им благословляю тебя, моего сына…

Благословив сына, Василий попросил надзирательницу, боярыню Агриппину беречь как зеницу ока своего державного питомца. В этом момент князь Андрей и боярыня Челяднина вели под руки рыдающую Елену. Увидев ее, великий князь слабо улыбнулся.

– Мне лучше, – сказал он, – мне уже не больно…

Елена собралась с силами и прекратила рыдать.

– Кому поручаешь бедную супругу и детей? – спросила она.

– Иоанн будет государем, – ответил Василий, – а тебе, следуя обыкновению наших отцов, я назначил в духовной своей грамоте особенное достояние…

Затем по просьбе супруги, он велел принести меньшего сына, Юрия и благословил его крестом. Прощание с Еленою не оставило никого безучастным, все плакали и молились.

Елена не хотела покидать умиравшего мужа, и тогда Василий приказал вывести ее. Заплатив последнюю дань миру и государству, он думал только о Боге.

Еще в Волоке он просил своего духовника протоиерея Алексия и любимого старца Мисаила не предавать его земле в белой одежде. «Если поправлюсь, – обещал он, – в миру не останусь». И вот теперь, в последние минуты своего пребывания на земле, великий князь решил принять постриг.

Отпустив Елену, Василий велел принести монашескую ризу и попросил привести к нему игумена Кирилловской обители, в которой он желал быть постриженным. Того не было в Москве, и к Василию явился Иоасаф Троицкий с образами Владимирской Богоматери и Св. Николая.

Духовник Алексий пришел с запасными дарами, чтобы дать их Василию в минуту кончины.

– Будь передо мною, – сказал Василий, – и не пропусти сего мгновения!

Стали читать канон на исход души. Василий слушал с закрытыми глазами, потом позвал ближнего боярина, Михаила Воронцова. Обняв его, он сказал брату Юрию:

– Я умираю точно так, как и наш родитель…

После этих слов Василий потребовал немедленного пострижения, однако князь Андрей Иоаннович, Воронцов и Шигона стали отговаривать его, вспоминая Св. Владимира, который не хотел быть монахом и был назван равноапостольным, и Дмитрия Донского, который хоть и ушел мирянином, но своими великими добродетелями заслужил Царствие Небесное.

Начался спор, в течение которого Василий крестился и ожидал священного обряда. Митрополит Даниил взял черную ризу и подал Игумену Иоасафу.

Князь Андрей и Воронцов хотели вырвать ее, и тогда митрополит произнес ужасные слова:

– Не мешайте мне, или я лишу вас своего благословления! Никто не отнимет у меня души его. Добр сосуд серебряный, но лучше позлащенный!

Василий отходил. Спешили кончить обряд. Митрополит, надев епитрахиль на игумена Иоасафа, постриг великого князя, ставшего Варлаамом. Евангелие и Схима Ангельская лежали на груди умирающего инока. Несколько минут прошли в полнейшей тишине. Наконец, Шигона воскликнул:

– Государь скончался!

Все зарыдали, и в этот момент случилось чудо: лицо Василия просветлело, и тяжелый запах от раны сменился благоуханием. Митрополит омыл тело и вытер хлопчатою бумагою.

Была полночь, но в Москве никто не спал. Толпившийся на улицах народ с ужасом ждал печальной вести. И когда эта весть была озвучена, плач стоял от дворца до Красной площади.

Митрополит одел умершего в монашеское одеяние, вывел его братьев в переднюю горницу и взял с них клятву быть верными слугами Ивана и матери его, не мыслить о Великом Княжении, не изменять ни делом, ни словом.

Обязав такою же присягою и всех вельмож, чиновников, детей боярских, он пошел с самыми знатными боярами к Елене, которая, завидев печальную процессию, упала в обморок. Бояре молчали, и только один митрополит именем Веры утешал бедную вдову со слезами на глазах.

Затем ударили в большой колокол, тело положили на одр, принесенный из Чудова монастыря, и открыли двери. Народ с громким плачем бросился целовать холодные руки покойного.

Любимые певчие Василия пели «Святый Боже!» Иноки Иосифова и Троицкого монастыря отнесли гроб в церковь Св. Михаила.

Елена не могла идти. Дети боярские взяли ее на руки. Князья Василий Шуйский, Михаил Глинский, Иван Телепнев-Оболенский и Воронцов шли за ними.

Погребение было печально и торжественно, а неутешный народ скорбел так, что летописец с чистым сердцем мог написать в своей летописи: «Дети хоронили своего отца».

Так кончил свои дни великий князь всея Руси Василий III. Судя по рассказам современников, он был суровым человеком, уступавшим по дарованиям своему отцу. Однако это вовсе не умаляет его заслуг перед Русью. Он делал все, что мог, и продолжал политику своего великого предшественника. И лучшей эпитафией ему будут слова Н.А. Карамзина.

«Великий князь Василий, – писал знаменитый историк, – занимает достойное место в нашей истории. Да, он уступал и отцу и сыну в редких природных дарованиях: первому в обширном государственном уме, а второму в силе духу, в живости разума и воображении. Но он упорно шел путем, указанным ему мудростию отца. Пусть и без страсти, он приближился к величию России.

Он не был гением, но добрым правителем. Он любил государство более собственного великого имени и в этом отношении достоин вечной похвалы, которую не многие венценосцы заслуживают. Иваны III творят, Иваны IV прославляют и нередко губят, Василии сохраняют, утверждают Державы и даются тем народам, коих долговременное бытие и целость угодны Провидению».

Остается только добавить, что счастлив правитель, о котором можно сказать такие слова.

Великий князь был торжественно погребен в Архангельском соборе Московского Кремля. В середине 50-х годов XVII века келарь Троице-Сергиева монастыря Симон отметил преставление Василия Ивановича в своем Месяцеслове: «В лето 7046 преставился благовер-

ный великий князь Василей Иванович, во иноцех Варлам, и во время преставления его исполнися храм благоухания многа».

После смерти Василия III бразды правления перешли в руки назначенных им опекунов.

Над гробом Василия еще читали псалмы и служили беспрерывную панихиду, а уже 6 декабря в соседнем Успенском соборе митрополит Даниил венчал на великое княжение его сына, трехлетнего Ивана.

– Бог благословляет тебя, князь великий Иван Васильевич, государь всея Руси! – торжественно провозгласил митрополит, – будь здрав на великом княжении, на столе отца своего!

Новому государю пропели многолетие, к нему пошли князья и бояре с дарами, после чего отправили по всем городам детей боярских приводить к присяге новому великому князю жителей городских и сельских.

Странно было слышать, как из открытых дверей стоящих рядом храмов несутся на Соборную площадь и плач об упокоении души усопшего отца, и радостные голоса певчих, возглашающих многолетие сыну.

Москвичи испуганно шептались: виданное ли дело – отца еще не схоронили, а сына уже венчают на царство? По всем приметам такое венчание ничего хорошего не обещало, и в столице стали поговаривать о том, что много христианских жизней загубит великий князь Иван Васильевич, если надевают на него шапку Мономаха под погребальный звон и заупокойные молитвы. И страшная эта примета, как показало будущее, оправдалась с лихвой.

Иван IV Грозный (1530–1584)

Одна из самых неоднозначных личностей российской истории. Государственный деятель, реформатор и кровавый тиран, человек, ввергший свой народ в хаос чудовищных репрессий.

Тайные знаки

На четвертый год брака Елена забеременела. Астрологи Василия пророчили не родившемуся еще младенцу великое будущее, а один юродивый сказал, что в день рождения разразится над Москвой страшная гроза, – и таково будет его царствование.

25 августа, в день апостолов Варфоломея и Тита, 1530 года Елена подарила Василию наследника.

Великий князь был настолько счастлив, что даже не обратил внимания на страшные предзнаменования, какими было отмечено рождение будущего русского царя.

А они и на самом деле не обещали ничего хорошего. В тот день над Русью прогремела небывалой силы гроза, горели пораженные молнию деревни и две реки вышли из берегов.

«Внезапно, – писал современник, – прогремел страшный гром и по всему небу блистали молнии. Гром стоял такой, что качалась земля, и во многих близких к Москве городах люди дивились такому страшному грому».

И кто знает, приветствовала природа рождение нового царя, или оплакивала все то, чему надлежало произойти в его царствование. Но пока народ ликовал.

Родился великий царь, говорили люди. Но иных тот вещий гром заставил содрогнуться. Содрогнуться и задуматься…

Была ли на самом деле гроза, или это были позднейшие выдумки? Прежде чем ответить на этот вопрос, приведу сказку о рождении Кришны.

«Когда должен был родиться Кришна… звезды и планеты на небе забыли про все ссоры, стали обниматься от счастья и проливать на всех свои благословения. На Земле повсюду наступил мир и процветание. Улицы городов и деревень были празднично украшены флажками, цветами и гирляндами.

На лугах коровы щипали сочную зеленую траву и довольно мычали, и поливали землю молоком. Все люди: и дяди, и тёти, и мальчики, и девочки – стали очень хорошими и добрыми.

Плавно текли полноводные реки, и их волны накатывались на берег, издавая успокаивающий шелест. Все озёра были полны чудесных лотосов: белых, синих, красных и желтых – прямо как в духовном мире. Дул легкий нежный ветерок, неся тонкий аромат лотосов, тюльпанов, роз и других цветов…»

Юлий Цезарь родился в полдень, когда Солнце – символ духа человека, находилось в зените, что указывало на появление потенциального руководителя и вождя, предполагало политический успех, известность и славу.

Однако Солнце Цезаря находилось в точке апогея Лунной орбиты, что предполагает и возможность обольщения властью и карьерой, и как следствие – крах.

Остается только добавить, что при рождении злых богов и нехороших правителей гремел гром, извергались вулканы, сверкали молнии и реки выходили из берегов.

Так что не было и не могло быть по тем временам ни одного крупного исторического лица, чье рождение не было бы отмечено небом.

Гремела ли при его рождении гроза или обнимались звезды, зависело уже от того, каким этот правитель становился. Хотя… добрых правителей в те времена не могло быть по опреде-

лению. В то время по всей Европе шла борьба за создание единых государств, и как не звался правитель – великий князь, царь или король – он был обречен на кровь.

Но если кто и смотрел в воду при появлении Ивана, так это казанская ханша. Узнав о рождении в Москве наследника престола, она заявила русским послам:

– Родился у вас царь, а у него двоя зубы: одними ему съесть нас, а другими вас…

Ханша не ошиблась, и Иван Грозный не только завоевал Казанское и Астраханское ханства, но и перебил своих бояр.

24 августа 1533 года, накануне дня рождения наследника московского престола Ивана Васильевича, москвичи наблюдали необычайное явление: в первом часу дня верхняя часть солнечного диска внезапно скрылась из виду и совершенно безоблачное до того небо потемнело.

Устрашенные случившимся, многие москвичи усмотрели в нем зловещее предвестие крупных государственных потрясений. Но самое большое впечатление этой явление произвело на великого князя, который увидел в этом смертное знамение.

54 года по тем временам считались возрастом почтенным, но государь был крепок духом и телом и не чувствовал никаких признаков старости.

25 сентября, в день Св. Сергия, великий князь Василий III с супругою и детьми праздновал в Троицкой Лавре, а затем поехал на охоту в Волоколамск.

В селе Озерецком он почувствовал себя плохо. Утром на левом бедре князя появилась болячка с булавочную головку, от которой и шла сильная боль. Через три месяца он умер.

На Русь астрология проникла из Византии вместе с христианством. В Новгороде в конце XV в. занятия астрологией получили сильное развитие, когда туда приехал на жительство выходец из Киева Скара, знаток чернокнижия и астрологии.

Он приобрел немало последователей среди образованных людей Новгорода. Стоглавый собор, собранный по повелению Ивана IV Грозного, наряду с церковными апокрифами осудил и гадательные книги, в числе которых было много астрологических или связанных с астрологией сочинений.

С 50-х годов XVI века в Московском государстве происходит массовый наплыв западноевропейцев. Англичане, голландцы, «немцы» из Ливонии, рассеянные по всему государству, жили целыми общинами со своими пасторами и молитвенными домами.

XVI век стал временем расцвета придворных врачей, астрологов, магов, волхвов. Их влияние на политику московских правителей было как никогда велико, они занимали высокое положение при царском дворе, хотя нередко и сами становились пешками в чужой игре.

Сам Иван Грозный отказался принять от датских послов часы, поскольку на них были аллегорические изображения планет. Однако отец Ивана IV, Василий III, не был лишен интереса к астрологии.

Его личным врачом был Николай Немчин, который занимался астрологией и распространял свои взгляды среди московских бояр. Да и Иван Грозный, несмотря на свое показное неприятие суеверий, подпал под обаяние энергичных иностранцев.

Умело пользуясь слабостями грозного правителя, приезжие врачи и астрологи с легкостью приобретали немалое влияние при дворе Ивана IV.

Как русские, так и иностранные источники отмечали склонность и предрасположенность Грозного к гаданию по звездам и небесным знамениям, его особую веру прорицателям и «звездочетцам».

Неслучайно многие поступки и действия Ивана Грозного современники объясняли «предсказаниями кудесников». Так было с поставлением на великокняжеский престол слу-

жилого татарского князька Симеона Бекбулатовича: «А говорят нецые, что для того сажал (Симеона), что волхвы ему сказали, что в том году будет переменение: московскому царю будет смерть».

Предупреждения такого рода царь получал от астрологов неоднократно.

Колдун, маг и лекарь – во времена Ивана Грозного все эти занятия обычно сочетались в одном лице. В течение четырех лет лейб-медиком царя Ивана Грозного был искусный врач бельгиец Арнольд Лензей, которого рекомендовала английская королева Елизавета.

Он прибыл в Москву в мае 1568 года, лечил и царя, и его семью, и видных опричников.

После гибели Лензея в мае 1571 года лейб-медиком и придворным астрологом царя стал Елисей Бомелей. Бомелей принадлежит к числу знаменитых авантюристов своего времени. Вестфальский астролог и медик прибыл в Россию из Англии.

На родине Бомелей отличился тем, что в Лондоне местный архиепископ отправил его в тюрьму за колдовство. Будучи за решеткой, Бомелей посылал письма канцлеру, предупреждая о бедствиях, угрожавших Англии, и утверждал, что только он сможет их преодолеть. По просьбе русского посла Совина он был освобожден – при условии, что немедленно покинет страну и вместе с послом отправится в Москву.

Английский врач и астролог Елисей Бомелей, первый царский астролог не только составлял гороскопы и докладывал свои выводы, но и обучал Ивана Васильевича астрологии.

Он знакомил царя с неблагоприятным положением звёзд и предсказывал ему всевозможные беды, а затем указывал пути спасения. Особое влияние на царя «лютый волхв» Елисей приобретает в разгар опричного террора.

Известно, что Грозный полностью доверял своему астрологу, так что предсказывал он, видимо, точно. Однако он оказывал царю и иные услуги: готовил яды для впавших в немилость придворных, а некоторых из них отравил собственноручно.

Умело используя подозрительность государя и постоянное чувство страха, медик предсказывал ему всяческие беды и давал советы, как их избежать.

Джером Горсей раскрывает перед нами и содержание бесед московского царя с придворным «магиком»: «Иван… знал, что каждый новый день угрожает более прежнего дня его безопасности, и, не зная, как ему избегнуть и уйти от беды, совещался с Елисеем Бомелием… хитрым обманщиком, английским врачом, известным математиком, «магиком»; расспрашивал: сколько лет от роду королеве Елизавете и какой успех можно иметь, если бы Бомелий сделался перед нею посредником за него? – и далее, – он обманывал царя, уверяя, что королева английская молода и ему легко будет жениться на ней».

Бомелей приобрел большое влияние на Грозного, стал его постоянным советником, познакомил с астрологией, составлял для царя гороскопы.

Лекарь близко сошелся с Малютой Скуратовым, изготовляя по его требованию яды и участвуя в отравлении неугодных царю людей. Так, царь потребовал убрать «ближнего» спальника Г.Б. Большого Грязного, что было послушно выполнено Бомелеем.

В конце концов, Бомелей запутался в дворцовых интригах и решил бежать из России. Взяв на имя своего слуги подорожную, Бомелей отправился за границу, предварительно зашив в подкладку платья все свое золото, но был задержан в Пскове и в цепях привезли в Москву.

Во время пыток лейб-медик оговорил новгородского архиепископа Леонида, возведенного в сан в декабре 1571 года. Бомелея искалечили, вывернув на дыбе руки и ноги. Потом его привязали к бревну и поджаривали на медленном огне.

Он признавался во всем, что от него требовали. Его уличили в связях с Англией, Швецией, Польшей. Письма, найденные у него, написаны были по-латыни и по-гречески, и их сочли шифровками.

На склоне лет Иван Грозный все больше и больше впадал в ужас перед возможностью внезапной смерти, тиран боялся умереть без покаяния и причастия.

В последние годы жизни московский правитель вновь уделяет огромное внимание астрологическим предсказаниям, вновь при дворе большое влияние приобретают иностранные медики, астрологи, всевозможные колдуны и знахари.

Конец правления Грозного связан с именем ещё одного иностранного врача – Иоганном Эйлофом (в русских источниках Иван Илф).

Первые документальные известия об Эйлофе относятся к 1581 году, когда он был под началом Вельского Б.Я., ведавшего в то время не только политическим сыском, но и докторами и аптекарями.

В архиве Разрядного приказа сохранились отрывки документов Аптекарского приказа, относящиеся к концу XVI века. Из них следует, что 19, 23 сентября и 2 декабря 1581 года под наблюдением Вельского «доктор Иван приготовлял различные лекарства».

Помимо своих «врачевских» обязанностей Эйлоф участвовал и в магических, астрологических изысканиях Ивана Грозного. Так, сохранилось красочное описание Горсея похода царя со своим сыном и доктором в тайник, где Грозный поведал о магической силе камней и произвел гадание на пауках с использованием «рога единорога».

Эйлоф пользовался определенным влиянием и при дворе и, стараясь настроить царя против главы католической церкви – папы, попортил немало крови папскому легату Антонио Пассевино, приехавшему мирить Ивана IV с польским королём Стефаном Баторием.

Придворный врач отличился не только «врачеванием», гаданием и политикой, но и преуспел в торговых операциях. Более того, с именем Эйлофа связаны упоминания ряда иностранных источников об отравлении Грозного.

В записках гетмана Жолкевского вина за смерть царя возлагается на Бориса Годунова: «Он лишил жизни и царя Ивана, подкупив английского врача, который лечил Ивана…»

Ещё один иностранец, голландский купец И. Масса, живший в России в начале XVII века, непосредственно указывает имя Иоганна Эйлофа как одного из участников отравления Грозного.

Свой уход из жизни Иван Грозный предрёк сам. Зимой 1584 года явилась комета с крестообразным небесным знамением между церковью Ивана Великого и Благовещения. Любопытный Царь вышел на Красное крыльцо, смотрел долго, изменился в лице и сказал окружающим: вот знамение моей смерти!

«Царь в гневе, не зная, на что решиться, приказал доставить с Севера немедленно множество кудесников и колдуний, привести их из того места, где их больше всего, между Холмогорами и Лапландией. Шестьдесят из них было доставлено в Москву, размещены под стражей.

Ежедневно им приносили пищу, и ежедневно их посещал царский любимец Богдан Бельский, который был единственным, кому царь доверял узнавать и доносить ему их ворожбу или предсказания о том, о чем он хотел знать.

Этот его любимец, устав от дьявольских поступков тирана, от его злодейств и от злорадных замыслов этого Гелиогабалуса, негодовал на царя, который был занят теперь лишь оборотами солнца.

Уверяют, что астрологи предсказали ему неминуемую смерть через несколько дней, именно 18 марта, но что Иван велел им молчать, с угрозою сжечь их всех на костре, если будут нескромны.

Наступило восемнадцатое марта, день, в который Грозный, по приказанию колдунов должен был умереть. В свое время Грозный приказал сжечь ведуний, которых держал в своем доме новгородский архиепископ Леонид.

Теперь он намеревался проделать то же самое с колдунами, собранными Богданом Бельским. Больной не мог отказать себе в удовольствии посмеяться над кудесниками, предсказавшими ему смерть. Они должны были заплатить жизнью за свои предсказания.

Казнь всегда была в глазах самодержца последним аргументом в спорах с врагами, будь то священнослужители или язычники.

Глава сыскного ведомства Бельский отправился к колдунам и сообщил им, что они будут сожжены или зарыты в землю.

Кудесники просили Бельского лишь об одном: дождаться захода солнца – окончания названного ими дня смерти государя.

Сложно сказать, подействовало ли на царя предсказание чародеев, или он сам почувствовал близкую кончину, но в двенадцать часов дня он приказал принести духовное завещание и приступил к его исправлению.

Покончив с завещанием, царь около трех часов парился в бане (в последние годы он посещал ее почти ежедневно для облегчения страданий).

Позже, желая сыграть в шахматы с боярином Бельским, стал сам расставлять фигуры, но вдруг упал навзничь, сжимая в руке шахматного короля, и через несколько минут скончался. Предсказание волхвов исполнилось с точностью до часа.

Конечно, у многих все эти россказни могут вызвать только улыбку. Хотя ничего особо веселого здесь нет, и тот же Вольф Мессинг заявил не кому-нибудь, а самому Сталину, что знает дату его смерти.

А если мы вспомним, как в самом конце XX века «просвещенные» москвичи покупали по три рубля стоившую две копейки заряженную очередным явившимся народу чародеем газету, то стоит ли удивляться тому, во что верили пятьсот лет назад.

И еще одно, что касается тайных знаков. Как мы помним, первая жена Василия III была насильственно пострижена в монашки. Во время обряда теперь уже бывшая великая княгиня срывала монашеский куколь, топтала его ногами, протестовала против творимого над нею насилия, обвиняла мужа в неверности, а людей в жестокости и несправедливости. Чтобы заставить ее замолчать, боярин Иван Юрьевич Поджогин ударил ее плетью.

– Как ты смеешь? – вскрикнула Соломония.

– Волею великого князя! – ответил боярин.

Этот ответ сломил мужество Соломонии, она заплакала и позволила надеть на себя монашеское одеяние». А затем случилось ужасное.

Несчастная женщина прокляла Василия, его жену и их будущих детей. Да, что там говорить, это был поступок! Родовое проклятие являлось одним из самых страшных наказаний, поскольку (если верить колдунам) являлось внедрённой извне программой уничтожения.

Эта программа постепенно разрушала человека и передавалась до тех пор, пока не достигало своей главной цели – уничтожения всех членов рода.

Признаками проклятия являлись потомственный алкоголизм, детская смертность по роду, смерть нескольких жён (мужей) подряд, неизлечимые заболевания и постоянные проблемы. То есть, все то, что сопровождало Грозного в жизни…

Заканчивая рассказ о тайных знаках, остается только напомнить о судьбе И.Е. Репина и его знаменитый картины «Иван Грозный и сын его Иван».

Как известно, художнику не советовали писать картину на столь трагический и не до конца выясненный сюжет. Однако Илья Ефимович не внял советам и работал как проклятый.

«Это было в 1881 году, – писал сам худложник в своей знаменитой книге «Далекое близкое» – Какая-то кровавая полоса прошла через этот год. Я работал как завороженный. Мне минутами становилось страшно. Я отворачивался от этой картины. Прятал ее. Но что-то гнало меня к этой картине, и я опять работал над ней…

Началась картина вдохновенно, шла залпами. Чувства были перегружены ужасами современности. В разгар ударов удачных мест разбирала дрожь, а потом, естественно, притуплялось чувство кошмара, брала усталость и разочарование… Я упрятывал картину… Слабо, слабо казалось все это… Но на утро испытываю опять трепет… И нет возможности удержаться – опять в атаку.

Никому не хотелось показывать этого ужаса… Я обращался в какого-то скупца, тайно живущего своей страшной картиной… И вот, наконец, на одном из своих вечеров, по четвергам, я решил показать картину друзьям-художникам…

Были: Крамской, Шишкин, Ярошенко, П.Брюллов и другие. Лампами картина была освещена хорошо, и воздействие ее на мою публику превзошло все мои ожидания…

Гости, ошеломленные, долго молчали, как очарованные в «Руслане» на свадебном пиру. Потом только шептали, как перед покойником. Я, наконец, закрыл картину. И тогда даже настроение не рассеивалось. И особенно Крамской только разводил руками и покачивал головой… Но все глядели только на него и ждали его приговора».

Остается только добавить, что на почве переутомления у Репина стала болеть, а потом перестала действовать правая рука, но он научился писать левой рукой.

По мистической версии, рука у художника начала болеть сразу после написания картины в виду отражения несуществующего исторического события.

Что же касается самой картины, то П.М.Третьяков получил секретное отношение, запрещавшее ему выставлять картину «в помещениях, доступных публике».

Запрет с картины был снят 11 июля 1885 в значительной мере благодаря заступничеству А.П.Боголюбова.

16 января 1913 года двадцатидевятилетний иконописец, старообрядец, сын крупного мебельного фабриканта Абрам Балашов в припадке душевной болезни с криком «Довольно крови!» нанес три удара ножом по лицам Грозного и сына Ивана. Удары были так сильны, что повредили и центральную перекладину подрамника.

Повреждение картины оказалось настолько серьезным, что с этого времени она находится под постоянным специальным наблюдением уже нескольких поколений реставраторов.

Это событие стало предлогом для публичного диспута Репина с М.А.Волошиным о границах между искусством и реальностью. 22 января газета «Речь» опубликовала письмо И.Е.Репина, ставшее откликом на полученные им сочувственные телеграммы со всей России, выражавшие «кровную боль» о его «растерзанной картине».

Ближайшими результатами этого события стали самоубийство бессменного хранителя галереи художника Е.М. Хруслова и решение о добровольном уходе с поста председателя Совета галереи И.С. Остроухова.

Как видно из всех этих происшествий, с Грозным было опасно связываться не только при его жизни, но и в XIX веке.

Кто убил Елену Глинскую

Нет, не зря беспокоился о будущем сына великий князь Василий на смертном одре. Опекунский совет во главе с Михаилом Глинским, созданный для того, чтобы «не допустить ослабления центральной власти», своей миссии выполнить не смог.

«Передача власти в руки опекунов, – писал очевидец, – вызвала недовольство боярской думы, сильно натерпевшейся из-за пренебрежительного к ней отношения в годы правления Василия III и теперь пожелавшей взять реванш. Между душеприказчиками почившего государя и руководителями думы сразу возникли напряженные отношения. Польские агенты живо

изобразили в своих донесениях положение дел в Москве: «Бояре там едва не режут друг друга ножами…»

Иного не могло и быть. Братья покойного Василия – князь Юрий Дмитровский и князь Андрей Старицкий – хорошо помнили старое доброе время, когда князю наследовал не сын, а брат. Тем более что Ивану Васильевичу было всего-то три годочка, а маменька у него опять-таки не русская боярыня, а инородка.

А Глинский? Мало того, что фигура темная, так еще и «инородец» и предатель! Ну а о худородном Михаиле Юрьеве-Захарьине и говорить было нечего.

В иные времена его порог бы не пустили, а сейчас самые знатные бояре были вынуждены сидеть с ним рядом. А большего унижения придумать было нельзя, поскольку местничества еще никто не отменял.

Польские агенты так изобразили положение дел в Москве после кончины Василия III: «Источник распрей – то обстоятельство, что всеми делами заправляют лица, назначенные великим князем; главные бояре – князья Бельский и Овчина – старше опекунов по положению, но ничего не решают».

После нескольких десятилетий спокойной жизни в стране снова запахло кровью. И вот тут Елена явила себя во всем блеске. Она повела себя так, что опекунский совет, назначенный Василием, как-то незаметно стал сдавать одну позицию за другой. Да и как не сдавать, если с Еленой днем и ночью находился известный на всю Европу рубака князь Оболенский.

Иван Федорович Овчина-Телепнев происходил из знатного рода князей Оболенских. При Василии Темном они потеснили старейших московских бояр и заняли место на лавке по правую сторону от великого князя.

Лишившись прежних вотчин, Оболенские с усердием взялись за московскую службу и выпрашивали в кормление целые волости. Многие из них стали наместниками в северных городах и по указу московских государей расправлялись с вольницей так же усердно, как когда-то ратовали за удельное правление.

Да, Овчина состоял с Еленой в любовной связи. Неизвестно, что у него было с Еленой до смерти Василия, но после таковой уже никто не сомневалась в том, какие отношения связывают красавицу-вдову и лихого воеводу.

И не случайно С.Н. Соловьев писал о том, что жестокость великой княгини «не мешали Елене Глинской быть нежной, детски уступчивой и женственно-сладострастной в объятиях князя Телепнева». Именно в этих самых объятиях она, по словам историка, «находила она самый приличный для себя отдых от казней и злодейств».

Многие «исследователи» делают из этого событие. А что, позвольте спросить, удивительного и странного в том, что молодая и красивая женщина сошлась с молодым и красивым мужчиной, готовым служить ей и помогать?

Особенно если учесть то, что карьеру Овчина делал на поле брани, а не в великокняжеской спальне. И не надо думать, что Оболенский вил из Елены веревки. Отнюдь! Их отношения напоминали скорее связь Екатерины II Потемкиным.

Более того, я даже не сомневаюсь в том, что именно Овчина спас свою возлюбленную от ненавидевших ее думных бояр, и не сойдись она с ним, по Елене справляли бы поминки намного раньше.

Да и как знать, не было ли у Елены желания войти в историю не только женой великого князя и матерью великого царя, но великой правительницей, которая в известной степени если и не спасла Русь, то не обрекла ее на «застойный период». И все предпосылки у нее для этого были.

Жесткость, хитрость, авантюризм, расчетливость и любящий ее воин Овчина. И не зря существует версия о том, что Елена не пожелала мириться с отведенной ей ролью и «через

полтысячи лет после легендарной княгини Ольги власть на Руси снова взяла в свои чуткие, сильные руки женщина».

Только чего стоили бы эти самые «чуткие и сильные» руки без поддержки Оболенского? Как ни крути, а реальной силы у нее не было.

Как дума относилась к Овчине? Да, конечно, плохо, иначе не прикончила бы его всего через неделю после убийства Елены. Ну а пока, как это всегда делалась в таких случаях, она стелилась под всесильным временщиком.

Прошло всего две недели после похорон Василия, и оправдались самые худшие предположения великого князя. Василия Ивановича еще отпевали, а уже готовился заговор против его вдовы и преемницы.

Как и следовало ожидать, борьбу за великое княжение начали братья покойного – Юрий, удельный князь дмитровский, и Андрей, сидевший на уделе в Старице.

Первым попробовал захватить московский трон Юрий Иванович Дмитровский. Юрий Иванович никогда не скрывал своих надежд занять московский трон и после смерти брата воспрянул духом.

Ему очень хотелось стать самому великим князем. Он был всего на год моложе Василия III. Долгие годы бездетности старшего брата укрепляли его в надеждах самому занять трон. Почему же государем должен был стать его трехлетний племянник? Почему страной будет править иноземка из Литвы, а не он, такой же сын Ивана III, как и его покойный брат?

Дело дошло до того, что боярам и митрополиту пришлось продержать дмитровского под замком до тех пор, пока он не принес присягу и не поцеловал крест племяннику.

Но такую невольную клятву легко объявить недействительной. В свое время дед Юрия – великий князь Василий Темный, свергнутый своим двоюродным братом Дмитрием Шемякой, – тоже поцеловал крест, что не будет искать великого княжения. Однако услужливый игумен Кирилло-Белозерского монастыря «снял» с него клятву.

Князь Юрий обошелся без митрополита и сам объявил свою присягу малолетнему Ивану Васильевичу недействительной, ибо бояре московские взяли с него эту клятву силою.

Кроме того, вопреки вековым обычаям, ему не дали подписать с Иваном Васильевичем договор и, таким образом, «правды не дали».

О его настроениях было хорошо известно при дворе короля Сигизмунда, и польская сторона давно пыталась воспользоваться этими честолюбивыми замыслами второго сына Ивана III и Софьи Палеолог.

Во время русско-польской войны 1507–1508 годов король Сигизмунд, «не надеясь на успех военных действий, но в то же время хорошо осведомленный о сложных отношениях в семье русского государя, предпринял попытку вызвать рознь между Василием III и Юрием Ивановичем».

Сигизмунд направил к князю Дмитровскому специальное посольство, в составе которого были знатнейшие вельможи польского королевства Петр Олелькович и Богдан Сапега. Они имели тайное поручение предложить князю Юрию вступить в союз с Сигизмундом против брата Василия и заключить сепаратный мир с Польшей.

Взамен король клятвенно обещал Юрию Ивановичу всестороннюю военную поддержку в случае, если удельный князь пожелает, устранив Василия, захватить «осподарство».

Однако государь был еще молод, и, наверное, только поэтому «дмитровский князь, понимая возможные последствия изменнических отношений с Литвой, никакого ответа Сигизмунду не дал».

Василий знал об этом и, тем не менее, стремился к примирению с братьями (хотя какое тут могло быть примирение?) Они были вместе с ним и на охоте, и на поле брани, и при решении государственных дел. Увы, это стремление вовсе не было обоюдным.

Будущий наследник одним своим появлением на свет лишил удельных князей надежды на престол, и отношения между Василием и его братьями испортились окончательно. Дело дошло до того, что Литовский сейм обсуждал вопрос о «великой замятине» в Московии.

В результате этой самой «замятины» князь Андрей Иванович захватил город Белоозеро, в котором хранилась государственная казна, а князь Юрий Иванович взял Рязань и еще несколько городов, призвав на помощь татар, с которыми уже давно состоял в тайных связях.

И уж, конечно, при таком положении дел смерть Василия III не могла не возродить былые надежды его мятежных братьев. Трехлетнее дитя на троне казалось им препятствием несерьезным, а потому и легко устранимым.

Попытка мятежа Юрия Дмитровского была поддержана и боярскими силами внутри Москвы. Заводилами этой «замятии» оказались друзья и стародавние союзники Юрия – братья Андрей и Иван Михайловичи Шуйские.

Не выждав и недели после смерти брата, Юрий прислал своего дьяка, Третьяка Тишкова, к князю Андрею Шуйскому звать его к себе на службу.

Иван и Андрей Шуйские еще при великом князе Василии отъезжали к Юрию. Тогда Василий потребовал их выдачи, и Юрий подчинился.

Великий князь велел оковать мятежников и разослать их по разным городам. После смерти мужа Елена приказала освободить их по ходатайству митрополита и бояр.

Андрей Шуйский не оценил оказанной ему правительницей милости и, вернувшись в Москву, предложил князю Борису Горбатому перейти на сторону князя Юрия.

– Поедем со мною, – говорил он, – здесь ничего не выслужишь, князь великий еще молод. А вот если князь Юрий сядет на государстве, а мы к нему раньше других отъедем, то этим выслужимся.

Горбатый отказался и посоветовал Шуйскому оставаться в Москве. Затем он явился к великой княгине и объявил, что Шуйский зовет его к князю Юрию. Правда открылась, и бояре посоветовали правительнице посадить князя Юрия в темницу.

– Как будет лучше, так и делайте! – ответила та.

Бояре сочли за лучшее отделаться от удельного князя, и собиравшийся бежать в Дмитров князь Юрий был «пойман и посажен в стрельнице одной из башен Московского Кремля.

Юрий вместе со своими боярами посажен был в ту же самую палату, где сидел племянник его, несчастный Дмитрий, внук Иоанна III.

Такая же участь постигла и Андрея Шуйского, просидевшего в тюрьме до 1538 года, пока Елена Глинская не умерла.

По другой версии, менее, надо заметить, вероятной, Шуйский сказал дьяку:

– Князь ваш вчера крест целовал великому князю, клялся добра ему хотеть, а теперь от него людей зовет!

– Князя Юрия бояре заставили присягать, – ответил тот, – а сами ему за великого князя присяги не дали! Это невольное целование!

Андрей Шуйский сказал об этом князю Горбатому, последний передал боярам, а бояре – великой княгине.

– Вчера, – ответила та, – вы крест целовали сыну моему на том, что будете ему служить и во всем добра хотеть! Вот и служите! Зло следует пресекать в зародыше, потому приказываю вам взять князя Юрия в железо!

Что было на самом деле? Да какая в принципе теперь разница, был виноват князь Юрий ли нет? Главное, что Елена избавилась от опасного конкурента в борьбе за власть.

Почему так цеплявшиеся за старые порядки бояре с такой легкостью сдали удельного князя? Видимо, на то были свои причины, и многие из них не хотели усиления Юрия Ивановича.

Вся эта возня вокруг трона показала, что самыми доверенными и влиятельными людьми при дворе в первое время по смерти Василия были князь Михаил Глинский и Шигона Поджогин.

Затем наступил черед князя Андрея Старицкого. Приехав в Морскву на сороковины по Василию, он попросил Елену убрать из его городов всех великокняжеских ревизоров и пытчиков. Однако та отказалась.

– Государство, – сказала она, – покойным мужем не мне завещано, а сыну моему, великому князю Ивану Васильевичу!

– Советуешь мне мои собственные земли у мальчишки выпрашивать? – вспылил князь Андрей.

– Советую тебе, – покачала головой Елена, – обождать двенадцать лет, пока вступит великий князь в совершенный возраст! Но если ты так торопишься, то бей челом боярам, кои оставлены покойным мужем моим блюстителями государства!

Почувствовав в словах правительницы насмешку, князь Андрей окончательно вышел из себя.

– Мне, – закричал он, – Рюриковичу и Палеологу, челом бить?! Мой отец и старший брат – последние великие государи всея Руси! Мой дед был византийским императором! И я стану перед Федькой Мишуриным и Васькой Головиным шапку ломать?

– Захочешь именья и пожитков – поклонишься! – холодно ответила Елена.

Потеряв всякую степенность, Андрей Иванович, выбежал из покоев. Овчина насмешливо бросил ему вдогонку:

– Тоже мне император нашелся! Палеолог-Старицкий!

Понятно, что после такого разговора у насмерть обиженного Андрея оставалась только одна надежда – на заговор. Он попытался привлечь на свою сторону Глинского, которого обошли Дмитрий Вельский и Федор Мстиславский.

Однако Глинский на сговор не пошел. Тогда Андрей поехал к своему племяннику Дмитрию Вельскому, но и тот его не поддержал.

Зато два других племянника князя – Семен и Иван Вельские – стали союзниками Старицкого. Очень скоро к ним примкнул недовольный центральной властью наместник Новгорода Великого Михаил Семенович Воронцов.

В то и без того тревожное время борьбой в высшем эшелоне московской власти попытался воспользоваться польский король Сигизмунд, который потребовал вернуть Польше Северскую землю, Чернигов и Смоленск.

Свои требования король подкрепил походом на Чернигов польских войск под командованием Андрея Немирова. Вместе с тем тревожные вести шли и с восточных границ, где участились набеги казанских татар.

Ситуация сложилась критическая, но глава регентского совета князь Михаил Глинский и руководитель боярской думы князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский не могли поделить полномочия и приступить к решительным действиям.

Да и как поделить! Ведь согласно системе местничества Овчина-Оболенский был значительно выше по положению, нежели «выдвиженец» Василия Михаил Глинский.

Михаил Львович Глинский был опытным государственным мужем. Он многое повидал и претерпел в своей богатой событиями жизни. После смерти Василия он даже не сомневался, что, наконец-то, пришло его время и именно станет он правителем огромной страны.

Однако его молодая племянница, которая сделала своим советником Овчину-Телепнева Оболенского, думала иначе. Глинский был недоволен и, пытаясь добиться власти, вступил в конфликт со своей племянницей.

За спиной Овчины стояла Боярская дума, стремившаяся покончить с засильем опекунов, за спиной Глинского – семибоярщина, которой недоставало единодушия, Андрей Старицкий, и три недавно пришедших на службу в Москву западнорусских князей – Ляцким, Воротынским и Трубецким.

Они задумали захватить Кремль, когда Овчина с войсками уйдет на Оку встречать татар. Мтежа был назначен на 25 августа 1534 года.

«Столкновение же между Овчиной и Глинским, – писал современник, – всерьез беспокоило вдову и ставило ее перед трудным выбором. Она либо должна была удалить от себя фаворита и окончательно подчиниться семибоярщине, либо, пожертвовав дядей, сохранить фаворита и разом покончить с жалким положением княгини на вдовьем уделе».

Впрочем, он только так назывался, «трудный выбор». По сути дела никакого выбора не было, поскольку «развод» с Овчиной означал быстрый крах самой великой княгини.

При всем своем честолюбии и авантюризме, Михаил Глинский оставался чужим на Москве, и делать на него ставку было безумием.

Конечно, это было жестоко по отношению к родственнику, от которого Елена не видела ничего плохого. Но слишком много было поставлено на карту. Да и не было для нее уже никаких родственников, а были только цели и средства.

Находившийся на берегу Оки Овчина был вовремя извещен о настроениях «дяди» и, хорошо зная, чем такие настроения заканчиваются, повел свой отряд к Москве.

Он действовал быстро и решительно, и 5 августа 1534 года князь Михаил Глинский отправился в хорошо знакомую ему камеру.

Елена приказала оковать многопудовыми цепями и надеть на голову тяжкую железную шапку. Глинского не кормили и, дабы продлить его мучения, поили только водой.

Великий авантюрист, которому к тому времени исполнилось семидесят лет, не выдержал мучительной пытки и умер 15 сентября 1534 года – на сороковой день после начала казни.

Фаворит оказал Глинской неоценимую услугу. Будучи старшим боярином думы, он бросил дерзкий вызов душеприказчикам великого князя и добился уничтожения системы опеки над великой княгиней.

Семибоярщина управляла страной менее года. Ее власть начала рушиться в тот день, когда дворцовая стража отвела Михаила Глинского в тюрьму.

Австрийский посол Герберштейн объяснял гибель Глинского тем, что он пытался вмешаться в интимную жизнь Елены и настойчиво убеждал ее порвать с фаворитом.

Герберштейн был давним приятелем Глинского и старался выставить его поведение в самом благоприятном свете. Но об авантюрных похождениях Глинского знала вся Европа, и вряд ли любовные дела его племянницы так уж волновали престарелого авантюриста. Скорее всего, это был самый обыкновенный предлог для того, чтобы удалить Овчину.

Глинский был обвинен в том, что захотел держать государство вместе с единомышленником своим, Михаилом Семеновичем Воронцовым. Это обвинение понятно, ибо прежняя деятельность Глинского обличала в нем человека, не умевшего умерять свое честолюбие и не выбиравшего средства для достижения своих целей. И, конечно же, можно смотреть на его борьбу его с Оболенским как на следствие честолюбивых стремлений, а не нравственных побуждений только.

Впрочем, для современников нужно было и другое обвинение, и Глинского в Москве обвиняли в том, что он отравил великого князя Василия. Точно также в Литве его обвиняли в отравлении великого князя Александра.

Поздние летописи объясняли опалу Глинского и Воронцова тем, что они хотели править за Елену государством и тем самым грешили против истины. В угоду царю Ивану IV, считавшему мать законной преемницей отцовской власти.

Не успели утихнуть литовские страсти, как наступило время окончательных разборок с Андреем Старицким. Младший брат Василия III владел обширным княжеством и располагал внушительной военной силой.

Андрей Старицкий только потому не был среди мятежников, что отъезжал в ту пору в Старицу, но, как писал летописец, «учал на Великого князя и на его матерь гнев держати».

Как мы помним, свои споры с великой княгиней он начал еще в 1534 году, когда проживал в Москве. После сороковин брата он попросил у Елены добавить ему городов к своей отчине.

Однако та, вместо городов, в память о покойном вручила ему несколько шуб, кубков, копий, иноходцев в седлах и предложила подождать двенадцать лет. Андрей был очень не доволен таким отношение, о чем имел неосторожность высказаться вслух.

Высказывания князя стали известны в Москве, и сразу же появился слух, что Андрея хотят арестовать. Елена заверила Андрею, что это не так.

Тот потребовал от Елены письменного удостоверения и, получив его, приехал в Москву для объяснений с правительницею.

Андрей начал с того, что до него дошел слух, будто великий князь и она, Елена, хотят положить на него опалу.

– Не волнуйся, – ответила та, – и поменьше слушай лихих людей. Было бы очень хорошо, если бы ты назвал нам этих людей, чтобы избежать недоразумений в будущем!

Князь Андрей не назвал никого. Елена повторила, что она ничего против него не имеет, и отпустила его. Андрей оставил правительнице своеобразную расписку, в которой он «клялся исполнить договор, заключенный им прежде с племянником, обязался не утаивать ничего, что ни услышит о великом князе и его матери от брата своего, от князей, бояр, дьяков великокняжеских или от своих бояр и дьяков, ссорщиков не слушать и объявлять о их речах великому князю и его матери».

Эта расписка примечательна том, что в ней впервые говорится об уничтожении права удельных князей принимать к себе служивых князей, бояр и слуг вольных.

Это право постоянно нарушалось при отце и деде Ивана, хотя и вносилось в договоры великих князей с удельными князьями. И в своей записи Андрей обязался «не принимать князей, бояр, дьяков, детей боярских и никого другого, если они отъедут от великого князя на его лихо».

Однако Андрей не успокоился. Он не только продолжал сердиться на Елену, не прибавившую ему городов к уделу, но и постоянно ждал опалы.

Вскоре в Москву пошли доносы о том, что Андрей собирается бежать. Елена не поверила и летом 1537 года позвала Андрея на совет по случаю войны с Казанью.

Тот сказался больным и просил прислать лекаря. Правительница послала к нему известного нам Феофила. Тот выяснил, что Андрей притворяется больным, потому что боиться ехать в Москву.

Елена приказала ему прибыть в столицу «в каком бы ни было состоянии». Однако тот и на этот раз отказался.

«Нам, государь, – писал он в письме к Елене, – скорбь и кручина большая, что ты не веришь нашей болезни, и за нами посылаешь неотложно. И я от болезни и от беды, с кручины отбыл ума и мысли. Так ты бы, государь, пожаловал, показал милость, согрел сердце и живот холопу своему своим жалованьем, чтобы холопу твоему вперед было можно и надежно твоим жалованьем быть бесскорбно и без кручины, как тебе бог положит на сердце».

В это время Телепнев-Оболенский получил сообщение о том, что князь Андрей собирается бежать. Елена отправила в Старицу Андрею симоновского архимандрита и спасского протопопа.

От имени митрополита они должны были сообщить князю, что тот молит его «соблюдать присягу без всякой хитрости» и ехать в Москву.

Не полагаясь на церковные увещевания и угрозы, правительство выслало к Волоку полки.

Андрей не стал медлить и 2 мая 1537 года выехал из Старицы. Он намеревался добраться до Литвы. Но после того, как дороги к литовским границам были отрезаны, Андрею не оставалось ничего другого, как двинуться в новгородские области.

«Князь великий молод, – писал он помещикам и детям боярским, – держат государство бояре, и вам у кого служить? Я же вас рад жаловать».

Многие помещики приехали к нему Князь Юрий Оболенский, узнав о бегстве своего князя, потопил суда, чтобы они не достались москвичам, и соединился с Андреем на речке Березне.

Но как только войска выстроились для боя, Андрей начал переговоры с Оболенским. Он обещал сложить оружие, если тот обещает ему, что великий князь и Елена не арестуют его.

Оболенский такое обещание дал, и вместе с Андреем отправился в Москву. Однако Елена была крайне недовольна таким поведением фаворита и приказала арестовать Андрея. На узника надели некое подобие железной маски – тяжелую «шляпу железную» и за полгода уморили в тюрьме.

Тридцать новгородских помещиков, которые перешли на сторону Андрея, были биты в Москве кнутом, а потом повешены на новгородской дороге до самого Новгорода.

Так с помощью Оболенского Елена покончила со строптивыми родственниками. И здесь личное счастливо совпало с государственным. Да, она опасалась рвавшихся на московский престол братьев мужа и защищала себя и своего сына как частное лицо.

Но в то же самое время, хотела она того или нет, она боролась за будущее Руси, ибо воцарение на русском престоле любого из братьев означало бы шаг назад.

Если это было бы, конечно, именно так. Во-первых, нам ничего неизвестно о том, что думали рвавшиеся на трон братья Василия III.

По тому, как о них пишут, создается впечатление, что стоило только тому же Старицкому занять место великого князя, как он принялся бы за реставрацию старины. Иными словами, он разрешил бы боярам менять своих князей при первом же неудовольствии.

Но если бы он даже и сделал это в самом начале правления, то уже очень скоро ему пришлось бы снова закручивать гайки. По той простой причине, что его заставили бы сделать это. Кто? Да те же крымские и казанские татары!

И здесь надо сказать вот о чем. Идея создания мощного русского централизованного государства родилась отнюдь не в Москве.

Как это ни печально для поклонников действительно талантливого правителя Ивана III, но никаким провидцем он не был и вряд ли что знал об объективном историческом процессе.

Он был прекрасным исполнителем. А породили эту идею заклятые враги русской земли из Дикой степи. Брошенным Руси вызовом, а говоря проще, постоянными грабежами и насилием.

«Вызов, – пишет А.Тойнби, – это такая ситуация, при которой существование данного общества оказывается под некоей угрозой». Так оказалась под угрозой и удельная Русь, ответом которой на вызов кочевников явилось создание мощного централизованного государства.

Надо помнить и то, что объединение русских земель вокруг Москвы лежало в самом историческом движении вперед и создание русского централизованного государства являлось

объективным требованием истории. И здесь даже самые сильные и строптивые бояре были бессильны.

Пока тот же Старицкий был вынужден подчиняться брату, он мог проявлять неудовольствие и требовать все, что угодно. Но стоило бы ему только занять его место, как первое, что он потребовал бы от своих бояр, так это полного подчинения. И не только потому, что подобное в природе человека, облеченного хоть какой-то властью, но и потому, что с великокняжеского престола он увидел бы совсем другие горизонты.

Ну а что же царица, как с гордостью величали ее сербские летописи? Почувствовав силу, Елена продолжала нагнетать атмосферу и, судя по всему, вела себя по отношению к высшим боярам без должного уважения.

Теперь ей противостояла только одна группировка: клан Шуйских, поскольку лидер другой Иван Бельский томился в тюрьме.

Да, «принцы крови» смирились, но не покорились и, по всей видимости, ждали момента для нанесения смертельного удара по Елене и ее фавориту.

Почему никто из главных бояр не поддержал Юрия Ивановича и того же Старицкого?

Точно на этот вопрос не ответит уже никто, но предположить можно. К этому времени на Москве находились три самых родовитых рода, которые могли претендовать на московский трон. Это братья Василия III Юрий и Андрей, Шуйские и Бельские.

Шуйские вели свое начало от третьего сына Александра Невского – Андрея Городецкого. Род Бельских принадлежал к Гедиминовичам – роду великого литовского князя Гедимина, и родовитости у них хватало. И поддерживать им Юрия Ивановича и князя Старицкого не было никакого смысла.

В таком случае на трон взошел бы взрослые люди со своими взглядами и окружением. И как бы они повели себя, став великими князьями, никто не знал.

Оставаясь же в опекунском совете, Шуйские могли играть первые скрипки в управлении государством. А за те годы, которые оставались до совершеннолетия великого князя Ивана, многое могло произойти. И ничего несбыточного в таких мечтах не было. Пройдет всего несколько десятков лет, и Василий Шуйский станет царем.

Что вынесли Шуйские и Бельские из опалы братьев великого князя? Да только то, что Елена с каждым днем вела себя все более властно, что, конечно же, не могло нравиться боярам.

Однако разгром воинствующей оппозиции, едва не ввергшей страну в кровавую пучину удельных разборок, явился далеко не единственным достижением периода ее правления. Она была молода, умна, энергична. И, как ее великая предшественница княгиня Ольга, расправившись с врагами мужа, Елена сумела многое сделать.

Да, по словам С. Н. Соловьева, Елена ужасала «дворянство и народ своими жестокостями, явными и тайными, возбуждая в них справедливое негодование своим распутством».

Но в то же самое время, по словам Соловьева, «наша литовско-русская Мессалина выказывала много ума и такта во внешних сношениях с соседними державами». И именно она подтвердила дружественные договоры России со Швецией, Ливонией, Молдавией, царством Астраханским и князьями ногайскими; в последний год своего правления сносилась дружественно с императором Карлом V и братом его Фердинандом, королем венгерским и богемским; вела успешные войны с Крымом и Литвой.

Но Елена не только воевала, но и строила. Не доверяя заключенным мирным соглашениям, Елена предпочитала укреплять обороноспособность государства строительством новых мощных крепостей и основательной реконструкцией старых, как это было сделано во Владимире, Твери, Ярославле, Вологде, Новгороде Великом, Перми и других городах.

Венцом этого строительства явилось сооружение городской стены в Москве, возведенной именно «по тому же месту, где же мыслил… князь великий Василий ставити».

Правление Глинской продолжалось менее пяти лет. Она начала с того, что узурпировала власть, которой Василий III наделил семибоярщину. Без ее согласия не могли быть проведены последующие реформы.

Можно по-разному относиться к Елене, но нельзя не признать: в каждом ее шаге, в каждом поступке чувствуется железная воля, борьба за интересы государства. Великая княгиня Елена оказалась жестким и бескомпромиссным продолжателем дел мужа.

В последний год жизни Елена много болела и часто ездила на богомолье в монастыри. Великая княгиня умерла 3 апреля 1538 года.

Как и всегда в таких случаях, смерть правительницы вызвала разные толки, и австрийский посол Герберштейн писал об отравлении великой княгини ядом. Что касается Ивана Грозного, то он всю свою жизнь считал, что его мать отравили бояре.

Кто убил Елену, если это было на самом деле так, мы можем только догадываться. Вполне возможна и та версия, какую дает Евгений Сухов в своем романе «Тайная любовь княгини».

«Ты вот что, Аграфена! Как будешь в спальных покоях государыни, сыпанешь ей вот этого порошка, – Василий Васильевич бережно развернул тряпицу. – Да рожу-то свою сюда не суй! Как вдохнешь этого зелья, так потом тебя на погост придется нести.

– Дядя Василий, родненький, да как же я могу! – перепугалась Аграфена.

– А вот так! – прикрикнул боярин на племянницу. – Хочешь, чтобы великая княгиня нас головы лишила? Ежели она дядьку своего родного уморила да государева брата повелела живота лишить, то нас сгубить для нее просто в радость будет. Али не так, племянница? Ты на меня гадюкой не смотри, Аграфена, не забывай, что я тебе вместо отца. А он, покойный, повелел слушать меня во всем. И ежели не моя забота, так тебе во дворце бы и не бывать. Я тебя к великой княгине определил, челом за тебя бил.

Аграфена всхлипнула:

– Как же я отважусь на такое, дядя Василий?

Девичьи руки бережно завязали порошок в узорчатую тряпицу.

– Даже святое дело без греха не бывает. Зато потом вольготнее задышится. Мы, Шуйские, всегда ближе всех к престолу сидели и сейчас этого места никому не отдадим.

Князь Василий, после того как почил его батюшка, сделался старейшим в роду Шуйских, и уважение, которым некогда пользовался его покойный родитель, теперь, не растеряв даже крох, досталось его могучему отпрыску.

Его огромный дом напоминал великокняжеский дворец, а по убранству комнат превосходил даже государеву Переднюю. В коридорах у боярина полыхали подсвечники немецких мастеров, углы освещали узорчатые миланские фонари, а в сенях на гостей взирали венецианские маски. Князь заведовал Посольским приказом, и ему не стоило труда выписать интересующую его вещь в любом королевском дворе.

Были у именитого боярина скрипошники с домрачеями, шуты и шутихи, карлы с карлицами, а во время обедов стольники поочередно подавали по двенадцать блюд, удивляя гостей хлебосолом и парчовыми нарядами.

Василий Шуйский настолько уподобился государю, что повелел челяди откладывать по сорок поклонов зараз, как если бы они привечали самого великого московского князя. С коня он сходил не на грешную землю, а ступал на скамеечку, которую заботливо подставляли ему под ноги стремянные, а когда шествовал по улице, то под руки его держали по три дюжины рынд.

– Ты вот что, девонька, про этот порошок никому ни слова! А то накличешь на весь род такую беду, что не приведи господь! Насыплешь ты этого зелья на петлицы государыни. Она начнет пуговицы застегивать да перепачкает свои пальчики, а потом заразу и в рот себе занесет. Не пройдет и месяца, как на погост снесем…»

И снесли. Шуйский ошибся только в одном: Елена проболела не месяц, а всего неделю. Что, конечно, не исключает отравления ядом замедленного действия.

Но, как бы ни было на самом деле, бояре смерти великой княгине не огорчились. Даже более того, обрадовались. По всей видимости, никто из них не знал латинской поговорке, согласно которой о мертвых говорили либо хорошо, либо ничего.

Впрочем, если бы только говорили. Но куда там! Умершую правительницу ругали последними словам, не стесняясь присутствия Ивана.

Такой версии придерживаются многие авторы. И все же думается, что Елену отравили (а ее на самом деле отравили) отнюдь не из-за ее приверженности «делу» мужа. И те, кто сыпал ей яд, вряд ли думал о государственных интересах.

Скорее, это было продолжением местнических разборок, поскольку Елена со своими дорвавшимися до власти, а значит, и до богатства родственниками и обладавшим огромной властью Овчиной не могла не задевать личные интересы бояр.

Убийцы Елены очень надеялись на то, что именно они станут регентами и смогут влиять на молодого царя, а значит и блюсти свои собственные интересы.

Оплакивал ли царевич Иван так безвременно ушедшую от него мать? Летописи на сей счет молчат. Только один из очевидцев пишет, что «восьмилетний отрок, слушая заупокойную службу, стоял молча, как требовал того строгий дворцовый обычай. И лишь тоска, тяжкая, недетская тоска и одиночество были в его больших, внимательных, повзрослевших глазах.

Он крепко сжимал в руке маленькую ладошку своего пятилетнего брата Юрия, глухонемого от рождения, как бы показывая, что никому не даст его в обиду».

Так оно и было. До самой смерти больного царевича в 1563 году они всегда были вместе. И в детстве, и в зрелые годы Иван IV опекал ущербного брата, требуя к нему подобающего уважения.

Правда, есть и другая версия, согласно которой на похоронах Елены плакали два человека: великий князь Иван Васильевич и князь Иван Оболенский. Но если царевич плакал о матери, то Овична мог оплакивать и себя самого. Зная, с кем он имеет дело, понимал: недолго ходить ему по этой земле…

И плакал он не зря. Спустя всего восемь дней после похорон Елены Шуйские бросили князя в тюрьму, где он уже через месяц отдал богу душу «от недостатка в пище и тяжести оков». Его сестру, няньку малолетнего Ивана, Аграфену Челяднину, отправили в Каргополь, где постригли в монахини.

Как воспитывали царя

В 1545 году Ивану исполнилось 15 лет – пора совершеннолетия в жизни людей XVI столетия. В этом возрасте дворянские дети поступали «новиками» на военную службу, а дети знати получали низшие придворные должности. И именно с этого возраста должно было начаться самостоятельное правление будущего царя.

Однако Василий III напрасно возлагал надежды на то, что назначенные им опекуны ознакомят великого князя с основами государственного управления и подготовят к самостоятельному княжению.

Приучить испорченного и необузданного юнца к систематическим занятиям было просто невозможно, тем более что, несмотря на раннее физическое развитие, он оставался крайне инфантильным. Опекуны сошли со сцены, не исполнив порученного им дела.

А теперь давайте посмотрим, что представлял собой Иван к этому времени. После кончины Елены Васильевны жизнь царского двора проходила в борениях и интригах, в арестах и заговорах, в казнях и опалах.

«Остались мы с почившим в бозе братом Георгием круглыми сиротами, – писал он Андрею Курбскому, – никто нам не помогал; оставалась нам надежда только на Бога, и на Пречистую Богородицу, и на всех святых молитвы, и на благословение родителей наших.

Было мне в это время восемь лет; и так подданные наши достигли осуществления своих желаний – получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили!

Сколько бояр наших, и доброжелателей нашего отца, и воевод перебили! Дворы, и села, и имущества наших дядей взяли себе и водворились в них. И сокровища матери перенесли в Большую казну, при этом неистово пиная ногами и тыча в них палками, а остальное разделили.

Нас же с единородным братом моим, в бозе почившим Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков.

Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети.

На основании царских писем В.О. Ключевский нарисовал знаменитый психологический портрет Ивана-ребенка. «Мальчик, – уверял историк, – родился «с блестящими дарованиями, с восприимчивою, легко увлекающеюся и страстною природою».

Вне всякого сомнения, считали он, эта восприимчивость, страстность и раздражительность были развиты до высшей степени обстоятельствами детства его.

Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, превратили его робость в нервную пугливость. Ребенок пережил страшное нервное потрясение, когда бояре Шуйские вломились в его спальню, разбудили и испугали его.

С годами в Иване развились подозрительность и глубокое недоверие к людям, и вряд ли можно сомневаться в том, что в душу сироты рано и глубоко врезалось чувство брошенности и одиночества.

Пребывая среди чужих людей, Иван привык постоянно оглядываться и прислушиваться. Это развило в нем подозрительность, которая со временем превратилась в недоверие к людям.

В повседневной жизни он видел только равнодушие и пренебрежение со стороны окружающих, «его стесняли во всем, плохо кормили и одевали, ни в чем воли не давали, все заставляли делать насильно и не по возрасту».

Но стоило ему только появиться на каком-нибудь торжественном или официальном мероприятии, как его окружали царственной пышностью, смотрели и слушали его с раболепным смирением.

Его ласкали как государя и оскорбляли как ребенка. Но хуже всего было то, что он не всегда мог говорить о своей досаде и, что называется, сорвать сердце. А когда он пытался это сделать, его грубо обрывали и не слушали.

Эта необходимость постоянно плакать в подушку и дуться в рукав, вела к раздражительности и, что самое печальное, молчаливому озлоблению против людей.

Чуть ли не все годы после смерти матери он провел со сжатыми от злости и негодования зубами. Понятно, что такой образ жизни не мог остаться без последствий, особенно если учесть, что касался он не простого человека, а царя с практически неограниченной властью.

«Вечно тревожный и подозрительный, – писал знаменитый историк, – Иван рано привык думать, что окружен только врагами, и воспитал в себе печальную наклонность высматривать, как плетется вокруг него бесконечная сеть козней, которою, чудилось ему, стараются опутать его со всех сторон. Это заставляло его постоянно держаться настороже; мысль, что вот-вот из-за угла на него бросится недруг, стала привычным, ежеминутным его ожиданием. Всего сильнее работал в нем инстинкт самосохранения. Все усилия его бойкого ума были обращены на разработку этого грубого чувства.

В силу своей природы и отсутствия воспитания он был лишен нравственного равновесия и при малейшем затруднении охотнее склонялся в дурную сторону. От него ежеминутно можно было ожидать грубой выходки: он не умел сладить с малейшим неприятным случаем. В каждом встречном он видел врага, и приобрести его доверие было задачей сверхсложной…»

После смерти последнего из душеприказчиков Василия III во главе партии Шуйских стал князь Андрей Шуйский.

Братья Шуйские, оказавшись у власти, вместе со своими верными им родственниками и сторонниками, стали пользоваться ею бесконтрольно и безжалостно, отправляя своих противников на виселицу и на плаху. Затем случилось то, что рано или поздно должно было случиться.

Родственники царя и противники Шуйских постоянно внушили ему мысль о том, что пора прекратить боярский произвол. Эти разговоры ложились на благодатную почву, поскольку юный великий князь ненавидел бояр всей душой и, конечно, мечтал о той сладкой минуте, когда сможет отомстить им.

16 сентября 1543 года тринадцатилетний Иван велел своим псарям схватить Андрея Шуйского и обезглавить, что и было ими сделано в Кремле.

С тех пор, говорит летопись, «начали бояре от государя страх иметь и послушание».

Так закончилось боярское правление. Конечно, это не означало, что Иван стал править сам, и теперь его ближайшими советниками стали его дядья – Михаил и Юрий Глинские.

Князь Михаил Васильевич еще в 1541 году получил высший думный чин конюшего боярина. После победы над Шуйскими вместе с братом Юрием Глинским стал управлять страной от имени племянника.

Поведение братьев настолько понравилось входившему во вкус молодому великому князю, что уже на следующий год Иван назначил Глинских главнейшими над всеми боярскими и княжескими фамилиями.

После смерти последнего опекуна система воспитания великого князя переменилась. Вопреки картине, нарисованной Ключевским, источники ничего не сообщают ни о систематическом обучении Ивана в детский период, ни о какой-либо тяге его к книжной премудрости.

Вероятнее всего, при Иване находились дядьки, заставлявшие своего венценосного подопечного уделять некоторое время учебным занятиям.

Занятия эти часто прерывались: новые любимцы, приближенные самим Иваном, потворствовали ему во всем и потакали худшим его наклонностям. И он, надо заметить, развивал их целых четыре года – с тринадцати до семнадцати лет.

Иван быстро развивался физически и в 13 лет «выглядел настоящим верзилой». Посольский приказ официально объявил за рубежом, что «великий государь входит в мужеский возраст, ростом уже со взрослого человека и с Божьего соизволения помышляет о браке».

О браке он вряд ли помышлял, но сладострастие в нем проснулось рано. Как только тринадцатилетний Иван познал первую радость плотской любви, ему стали поставлять ему «гулевых девиц», из-за чего мимолетные любовницы менялись у сластолюбивого отрока чуть ли не каждый день.

Историк С. Д. Горский утверждал, что за четыре года до свадьбы Иван познал несколько сот девиц, искушенных в блуде и старавшихся завлечь царя наигранной страстью и большой опытностью в любовных утехах.

И вряд ли сам Иван сгущал краски, когда в своем послании к архимандриту и монахам Кирилло-Белозерского монастыря Иван называл себя «смердящим псом и нечистым и скверным душегубом, живущим в пьянстве, блуде, убийстве, разбое, в ненависти, во всяком злодействе».

Как видно, в окружении подростка не оказалось людей, которые могли бы привить ему любовь к музыке или танцам. Что касается скоморохов, их попросту не допускали во дворец.

Почувствовав волю, мальчик предался далеко не детским потехам и играм. Окружающих поражали буйство и неистовый нрав Ивана, которому очень нравилось забираться на крыши теремов и бросать оттуда на землю кошек и собак.

Когда великому князю исполнилось пятнадцать, объектом его кровавых увеселений стали живые люди. В компании высокородных сверстников Иван часто проносился верхом по городским улицам, давя прохожих, учиняя грабежи и насилия. А льстецы себе на беду все это расхваливали, говоря:

– Это будет храбрый и мужественный царь!

Понятно, что втягивая молодого Ивана в свои интриги, бояре из его нового окружения, сводили с его помощью счеты между собой.

Стремясь завоевать его расположение, «пестуны ласкающие» не понуждали своего питомца к занятиям. У них не было ни воли, ни возможности наказать его за бесчинное поведение или хотя бы вовремя усадить за трапезу.

И далеко не случайно в своем первом письме Курбскому Иван ставил в вину своим опекунам отсутствие у них не только должной любви, но и заботы об их воспитаннике.

Бояре не посвящали Ивана в свои дела, но внимательно следили за его привязанностями и спешили удалить из дворца возможных фаворитов.

Как это ни печально, но главным фактором, сформировавшим характер великого князя, было отсутствие элементарной дисциплины. И не случайно на Стоглавом Соборе Иван упрекал бояр в том, что они, погруженные в свои интересы, не препятствовали порочным наклонностям воспитанника и не удерживали его от греховных поступков.

Старания бояр не пропали даром, Иван никогда не умел сдерживать себя, и малейший каприз обретал для него силу закона.

Со временем он подведет под свое поведение целую теоретическую базу, и до конца дней своих будет ненавидеть всех заподозренных в стремлении ограничить его в страстях.

Осенью 1545 года государь велел «урезать» язык Афанасию Бутурлину «за его вину, за невежливые слова».

Тайна преображения

Появление на троне неопытного и своенравного правителя грозило стране великими испытаниями, и бояре стали думать над тем, как заставить царя остепениться.

Пока он находился в Москве и развлекался, об этом нечего было и думать. Надо было занять великого князя чем-то серьезным, что заставило бы его взглянуть на себя как на правителя и отвлекло бы от детских забав.

Такое средство было найдено, и в 1546 году великий князь по просьбе Думы возглавил поход на южную границу Руси, где ожидалось нападение Крымского хана. Прибыв в Коломну, Иван расположился лагерем со «своим полком» под Голутвиным монастырем.

Но напрасно бояре уповали на то, что великий князь займется делом. Татар не было, и Иван снова ударился во все тяжкие. Пока игры носили невинный характер, бояре скрепя сердце участвовали в них. А вот на ходулях ходить отказались. Что касается игрищ с саваном и покойником, они не могли вызвать у бояр ничего, кроме раздражения и гнева.

Игра в похороны была богохульным развлечением. Мнимого покойника обряжали в саван, укладывали в гроб и ставили посреди избы. Заупокойную молитву заменяла отборная брань. Под конец «обряда» собранных на отпевание девок заставляли целовать «покойника» в уста.

Уповая на родство, Кубенский попытался урезонить племянника. Однако тот «с великой яростью» приказал схватить его вместе с боярами Федором Воронцовым и Иваном Воронцовым, сыном опекуна Михаила Воронцова, и отсечь всем головы «перед своим шатром».

Вместе с Кубенским аресту подвергся конюший Иван Петрович Федоров-Челяднин. Все было готово для казни. Однако раздетый донага конюший покаялся и был отправлен в ссылку.

Впрочем, существует и другая версия казни столь приближенных к великому князю бояр. Она связана он с делом новгородских пищальников, как тогда называли стрельцов, которые несли службу на границе.

Когда у них кончились припасы, они решили просить помощи у великого князя (по другой версии они пришли с жалобой на местного воеводу).

Пятьдесят стрельцов встретили Ивана у стен Коломны. Однако тот и не подумал слушать голодных людей, так как спешил на охоту. Просители явились весьма некстати, и не довольный задержкой Иван приказал прогнать их.

Однако своенравные новгородцы не подумали подчиниться приказу государя и оказали сопротивление придворным. Дворяне пустили в ход сабли и стали стрелять из луков.

Стрельцы укрылись за стенами посада и открыли огонь из ружей. С обеих сторон было убито не менее десятка человек.

Иван остался невредим, но очень перепугался. У него всегда замечался недостаток физической храбрости. Как и всегда в таких случаях нашлись доброхоты, которые подсказали великому князю, что никакой просьбы не было, а встреча на большой дороге была попыткой убить его. И без того подозрительный Иван приказал выяснить, «по чьей науке пищальники осмелились так поступить».

Но этим дело не ограничилось, и очень скоро Иван приказал убить двух своих сверстников, принадлежавших к знатнейшим фамилиям.

Передача властных полномочий безответственному и жестокому подростку грозила государству большими бедами. Встреча с новгородцами лишний раз показала всю инфантильность будущего царя. Достаточно было всего нескольких ласковых слов – простого обещания, чтобы успокоить стрельцов.

Да и какой бы правитель упустил бы такую возможность: показать свою заботу о подданных и накормить голодных людей. Его поступок стал бы легендой, а благодарные воины славили бы великого и заботливого правителя.

Но, увы, Иван пока не понимал, что такое править народом и чем силен государь. В результате ему пришлось пробираться к своему стану в Коломне обходным путем.

Правление Ивана IV началось печально. Великий князь оказался совершенно неподготовленным к роли правителя, и его появление на великокняжеском троне не доставило радости ни Церкви, ни государству.

В самый разгар боярских смут на троне появился юный самодержец, в котором бояре постарались развить низменные инстинкты, от коих теперь страдали не только они.

Страну могла спасти только перемена в поведении великого князя и осознание им той великой ответственности, которая на нем теперь лежала. Однако поведение великого князя не давало никаких поводов для оптимизма.

Заставить Ивана вести благопристойный образ жизни было невозможно. Оставалось только одно: поставить молодого великого князя в такое положение, которое бы возложило бы на него большую ответственность и обязало к более серьезному отношению к своим обязанностям.

И здесь свою без всякого преувеличения свою великую роль сыграл митрополит Макарий. Именно он взял на себя роль терпеливого наставника великого князя, благо, что никаких преград в лице Шуйских между ними теперь не было.

В свое время он устранился от воспитания будущего царя, и теперь в меру своих возможностей пытался исправить свое упущение.

Он говорил с великим князем о многом, но чаще всего о той исключительной роли, которую теперь, после падения Константинополя, предстояло играть Руси и ее государю в мире.

Именно так митрополит надеялся поднять правительственное самосознание Ивана, заставить серьезно приняться за государственные дела и сделать Россию достойной ее нового, высокого звания.

Он всячески старался пробудить в молодом царе осознание того великого подвига, на который его выдвинула история.

Понятно, что венчание на царство задумывалось Макарием не только для обуздания буйного характера молодого царя, но и как важнейшее обоснование притязаний Москвы на преемственную связь с Византией и новую, ведущую роль Русской Православной Церкви.

Вопрос надо было решать как можно скорее, поскольку Иван продолжал разгульную жизнь и всю осень и начало зимы 1546 года провел в увеселительной поездке по селам и монастырям.

Когда Иван вернулся в Москву, Макарий долго говорил с ним, а затем «с лицом веселым» сообщил о его согласии венчаться на царство.

Иоанн IV Васильевич стал первым русским Государем, над которым при венчании на царство было совершено церковное Таинство Миропомазания.

Впрочем, существует и другая версия венчания Ивана на царство, и как считает В.О. Ключевский, инициатором венчания был сам Иван.

Вполне возможно, что наш великий историк был прав, поскольку совершенно неподготовленный царствовать Иван оказался готов стать царем. Правда, пока только теоретически.

Читая священные книги, он постоянно встречал рассказы о царях и царствах, о помазанниках божиих, о нечестивых советниках, о блаженном муже, который не ходит на их совет, и о многом другом.

Все эти рассказы вызывали у него особый интерес, поскольку он прекрасно понимал свое положение и видел, как к нему относились окружавшие его люди. Его унижали как человека и преклонялись перед ним, как перед великим князем.

Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что Иван, читая исторические сказания о вавилонских, ассирийских, византийских и римских царях, проникся горячим желанием стать столь же могущественным и славным царем, как и его знаменитые исторические предшественники.

И, конечно, Иван не мог не думать и том особом положении, какое ему даст титул царя всей Руси. Ведь именно тогда он вознесся бы, как ему, во всяком случае, казалось, на ту недосягаемую высоту, где царила абсолютная власть и покорность подданных.

В утверждении всех этих теорий, по всей видимости, сыграло и болезненно развитое воображение великого князя, который искренне верил всем библейским сказкам.

Почему болезненное? Да только по той причине, что Иван, считая себя несчастным и притесняемым, в воображаемом им мире видел себя всегда сильным и независимым. И как знать, не начал ли он, постоянно погружаясь в свои сладостные грезы, уже тогда терять грань между реальной жизнью и вымыслом. Что, в свою очередь, неизбежно вело к тому, что он мог стать жертвой собственной фантазии.

И не случайно выдающийся русский психиатр П.И.Ковалевский писал: «Начитавшись историй Священного писания, греческих и римских историй, Иоанн захотел быть на Московском престоле тем же, чем были ассирийские цари и вавилонские цари».

Но как бы там не было, именно Иван IV стал первым московским государем, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника божия.

Это открытие стало ля него политическим откровением, и с той поры его царственное «Я» сделалось для него предметом набожного поклонения.

Он сам для себя стал святыней и в помыслах своих создал целое богословие политического самообожания в виде ученой теории своей царской власти.

Грозный был первым русским царем не потому, что он первый принял царский титул, а потому, что первый понял реальную силу своего сана.

Как это ни печально, но надеждам митрополита не было суждено сбыться. Венчание на царство не послужило исправлению дурных навыков молодого царя. Он и не думал заканчивать со своими юношескими забавами и не обратил интересы к нуждам государства.

Иван по-прежнему позволял себе дикие выходки и мало интересовался делами правления. На Москве каждый день говорили о его нелепых забавах, страшных приступах гнева и бессудных расправах.

Иван любил показывать себя царем, но, увы, в делах его пока еще не было ничего царского.

Говоря откровенно, в те времена он него вряд ли можно было ожидать другого. Слишком долго ожидал он того часа, когда все будет дозволено, и теперь наслаждался этой вседозволенностью. Да и как было не наслаждаться, когда те, кто еще вчера не удостаивал не только ласкового, но и вообще слова, сегодня был готов выполнить любое его пожелание.

Страна? Она по всей видимости еще не вызывала у него того интереса, с каким правитель должен относиться к своему государству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.